

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

В случае, если в документе, устанавливающем или удостоверяющем право наследодателя на земельный участок, предоставленный ему до введения в действие Земельного кодекса РФ для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства, не указано право, на котором предоставлен такой земельный участок, или невозможно определить вид этого права, такой земельный участок считается предоставленным указанному гражданину на праве собственности, входит в состав наследства и наследуется на общих основаниях, установленных Гражданским кодексом РФ

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 2 февраля 2016 г. № 85-КГ15-14*

(Извлечение)

Н. обратилась в суд с иском к администрации муниципального образования сельское поселение “Село Ахлебинино”, территориальному управлению Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Калужской области о признании права собственности на земельный участок в порядке наследования.

Судом установлено, что И., умерший в 1997 году, являлся отцом Н. Завещание наследодателем не составлялось. Наследником по закону являлась истец, фактически принявшая наследство после смерти отца.

Постановлением администрации самоуправления Ахлебининского сельсовета Перемышльского района Калужской области от 20 октября

1994 г. И. был выделен земельный участок с правом строительства жилого дома с надворными постройками для развития личного подсобного хозяйства.

Жилой дом на спорном земельном участке И. не возводился.

Согласно оценочной описи земельный участок принадлежал И. на праве собственности.

В соответствии с письмом филиала ФГБУ “Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии” по Калужской области от 6 февраля 2015 г. спорный земельный участок был поставлен на государственный кадастровый учет.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Разрешая спор, суды обеих инстанций руководствовались разъяснениями, содержащимися в п. 82 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 “О судебной практике по делам о наследовании”, в соответствии с которыми суд вправе признать за наследниками право собственности в порядке наследования на земельный участок, предоставленный до введения в действие Земельного кодекса РФ для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства на праве постоянного (бессрочного) пользования, при условии, что наследодатель обратился в установленном порядке в целях реализации предусмотренного абз. 1 и 3 п. 9¹ ст. 3 Федерального закона “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” права зарегистрировать право собственности на такой

земельный участок (за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом такой земельный участок не может предоставляться в частную собственность).

Поскольку документов, свидетельствовавших о предоставлении наследодателю спорного земельного участка на праве собственности, не имелось, И. не обращался в установленном порядке за оформлением прав на землю, а жилой дом не возводился, суды пришли к выводу о том, что у истца, как наследника имущества И., отсутствовали права на земельный участок.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 2 февраля 2016 г. признала выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными, принятыми с существенным нарушением норм материального права и не согласилась с ними по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Согласно ст. 1181 ГК РФ принадлежавшие наследодателю на праве собственности земельный участок или право пожизненного наследуемого владения земельным участком входят в состав наследства и наследуются на общих основаниях, установленных Кодексом. На принятие наследства, в состав которого входит указанное имущество, специальное разрешение не требуется.

При наследовании земельного участка или права пожизненного наследуемого владения земельным участком по наследству переходят также находящиеся в границах этого земельного участка поверхностный (почвенный) слой, водные объекты, находящиеся на нем растения, если иное не установлено законом.

Таким образом, обстоятельством, имеющим значение для разрешения требования наследника, принявшего наследство, о правах на наследуемое имущество, является принадлежность этого имущества наследодателю на праве собственности, а в отношении земельного участка — в том числе и на праве пожизненного наследуемого владения.

В постановлении администрации самоуправления Ахлебининского сельсовета Перемышльского района Калужской области от 20 октября 1994 г. не был указан вид права, на котором наследодателю был предоставлен спорный земельный участок.

Данное постановление о выделении спорного земельного участка не оспаривалось и недействительным не признавалось. Суд также указал, что в деле отсутствовали доказательства, свидетельствующие об изъятии земельного участка. Земельный участок был поставлен на кадастровый учет на основании списков земельных участков органа местного самоуправления.

Указанные обстоятельства имели место до введения в действие Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и

сделок с ним” и Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации”.

В соответствии с абз. 1 и 3 п. 9¹ ст. 3 Федерального закона “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации”, если земельный участок предоставлен до введения в действие Земельного кодекса РФ для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства на праве пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования, гражданин, обладающий этим земельным участком на таком праве, вправе зарегистрировать право собственности на данный земельный участок, за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом такой земельный участок не может предоставляться в частную собственность (абз. 1).

В случае, если в акте, свидетельстве или другом документе, устанавливающих или удостоверяющих право гражданина на земельный участок, предоставленный ему до введения в действие Земельного кодекса РФ для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства, не указано право, на котором предоставлен такой земельный участок, или невозможно определить вид этого права, такой земельный участок считается предоставленным указанному гражданину на праве собственности, за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом такой земельный участок не может предоставляться в частную собственность (абз. 2).

Требования указанных норм права не были учтены судами, а ссылка суда на п. 82 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о наследовании” являлась необоснованной, поскольку в деле отсутствовали доказательства, свидетельствующие о предоставлении И. спорного земельного участка на праве постоянного (бессрочного) пользования.

Вывод суда апелляционной инстанции о том, что п. 9¹ ст. 3 Федерального закона “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” не распространяется на спорные правоотношения, так как введен в действие после смерти наследодателя, несостоятелен, поскольку данная норма Закона определяет правовой режим земельных участков, предоставленных гражданам до введения в действие Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” и Земельного кодекса РФ.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Юридическое лицо несет ответственность перед обладателем исключительных прав на товарный знак в случае, когда администратор сайта в сети “Интернет”, одновременно являясь единоличным исполнительным органом и участником указанного юридического лица, от его имени разместил на сайте предложения о продаже товара с использованием словесных обозначений, сходных с товарным знаком указанного правообладателя

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 27 июня 2016 г. № 307-ЭС16-881*

(Извлечение)

Общество является обладателем исключительных прав на товарные знаки “ГАЗ”, “Бегающий олень”, “Чайка”, “GAZ”, “Победа”, “Тигр”, правовая охрана которых предоставлена для товаров 16-го, 28-го и услуг 35-го классов Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ).

Полагая, что компанией нарушаются его исключительные права на эти товарные знаки путем предложения к продаже неограниченному кругу лиц на сайте в сети “Интернет”, администратором которого является Б., различных моделей автомобилей, в том числе моделей, на которых нанесены спорные товарные знаки, общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании компенсации.

В подтверждение указанного обстоятельства истец предоставил в материалы дела протокол осмотра указанного сайта нотариусом.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением Суда по интеллектуальным правам, в удовлетворении исковых требований отказано.

Суды при разрешении спора исходили из того, что требование о взыскании компенсации на основании подп. 3 п. 1, п. 3 ст. 1252 ГК РФ может быть предъявлено к администратору соответствующего доменного имени.

Суды указали, что из протокола осмотра спорного сайта нотариусом невозможно однозначно установить, кем предлагаются к продаже модели транспортных средств, на которых размещены товарные знаки истца; изображения интернет-страниц, приложенные к протоколу нотариуса, не позволяют определить однозначно, нанесены или нет товарные знаки истца на предлагаемых к продаже моделях транспортных средств. Указание внизу интернет-страниц на наименование компании со значком копирайта свидетельствует лишь об оформлении сайта названным обществом.

Суды также отметили, что доказательств осуществления Б. действий по администрированию сайта от имени компании в материалы дела не представлено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 27 июня 2016 г. отменила названные судебные акты и направила дело на

новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 1 ст. 1229, подп. 1 п. 2 и п. 3 ст. 1484 ГК РФ для установления факта нарушения исключительных прав на товарные знаки достаточно установить использование ответчиком в предложениях о продаже товара в сети “Интернет” словесных обозначений, сходных с товарными знаками истца.

Для признания сходства товарного знака и использованного ответчиком обозначения достаточно уже самой опасности, а не реального смешения их в глазах потребителя.

Выводы судов о невозможности установить, кем предлагаются к продаже модели транспортных средств, на которых размещены товарные знаки истца, о том, что изображения интернет-страниц, приложенные к протоколу нотариуса, не позволяют определить однозначно, нанесены или нет товарные знаки на предлагаемых к продаже моделях транспортных средств, сделаны вопреки позиции ответчика, который подтверждал в письменных отзывах факт размещения им предложения о продаже различных масштабных моделей транспортных средств.

В то же время доводы компании о введении в гражданский оборот моделей транспортных средств с использованием товарных знаков истца с согласия правообладателя не получили надлежащей оценки судов.

Выводы судов о том, что требования заявлены к ненадлежащему ответчику, поскольку администратором доменного имени является Б., а доказательств осуществления Б. действий по администрированию сайта от имени компании в материалах дела не имеется, также сделаны без учета того, что Б., являясь администратором сайта, является генеральным директором компании и одним из ее участников с долей 75%, что подтверждено материалами дела и не оспаривается сторонами.

Б., определяя порядок использования данного сайта, указал на сайте наименование компании, ее реквизиты и необходимые контактные сведения, обеспечил возможность взаимодействия покупателей с интернет-магазином, что может свидетельствовать о том, что Б. действовал в гражданском обороте в интересах компании, поскольку именно действия руководителя как единоличного исполнительного органа организации определяют действие и бездействие юридического лица в отношениях с контрагентами.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Подпункты “а”, “б” п. 1 изменений, вносимых приказом Минсельхоза России от 26 мая 2015 г. № 214 в правила рыболовства для Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна, утвержденные приказом Минсельхоза России от 18 ноября 2014 г. № 453, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 29 февраля 2016 г. № АКПИ15-1545,
вступившее в законную силу*

2. Третья и четвертая строки второго столбца приложения № 2 к Правилам перевозок грузов автомобильным транспортом, утвержденным постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2011 г. № 272, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 февраля 2016 г. № АКПИ15-1464, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 17 мая 2016 г. № АПЛ16-142

3. Абзацы 2, 3 раздела 1 “Область применения” межгосударственного стандарта ГОСТ 32710-2014

“Продукция алкогольная и сырье для ее производства. Идентификация. Метод определения отношения изотопов $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ спиртов и сахаров в винах и сулах”, введенного в действие приказом Росстандарта от 25 июня 2014 г. № 669-ст с учетом приказа от 18 ноября 2014 г. № 1649-ст, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № АКПИ15-1197, вступившее в законную силу

4. Разъяснение по позиции 2140000а-18455 раздела “XIII. Электростанции, энергопоезда, паросиловое хозяйство” Списка № 2 Разъяснения

“О порядке применения Списков № 1 и 2 производств, работ, профессий, должностей и показателей, дающих право на льготное пенсионное обеспечение, утвержденных постановлением Кабинета Министров СССР от 26 января 1991 г. № 10, и дополнений к этим Спискам, утвержденных постановлением Кабинета Министров СССР от 9 августа 1991 г. № 591”, утвержденного постановлением Минтруда России от 25 февраля 1994 г. № 18, в части слов “при условии использования твердого топлива” признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 января 2016 г. № АКПИ15-1301, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 апреля 2016 г. № АПЛ16-104

5. Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. № 584, в части правовой охраны рационализаторских предложений признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 9 декабря 2015 г. № АКПИ15-1138, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 1 марта 2016 г. № АПЛ16-27

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Возбуждение уголовного дела в отношении исполнителя преступления (ст. 105 УК РФ) не лишает органы предварительного следствия права в дальнейшем предъявить обвинение в рамках данного уголовного дела иным установленным соучастникам преступления (например, организатору данного преступления)

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июня 2016 г. № 72-АПУ16-15

(Извлечение)

По приговору Забайкальского краевого суда от 29 февраля 2016 г. осуждены А. по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ и В. по ч. 3 ст. 33, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

А. признан виновным в убийстве потерпевшего З. из корыстных побуждений, а В. — в организации этого убийства. Преступление совершено 2 октября 2011 г. при обстоятельствах, указанных в приговоре.

В апелляционных жалобах осужденный В. и его защитник просили В. за отсутствием в его действиях состава преступления оправдать ввиду существенного нарушения норм уголовно-процессуального закона. Автор жалобы обращал внимание на то, что уголовное дело в отношении В. не возбуждалось.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 8 июня 2016 г. оставила приговор без изменения по следующим основаниям.

Виновность осужденных в совершении указанного преступления полностью подтверждается совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств, которым в приговоре дана надлежащая оценка.

Судом установлено, что В. организовал убийство потерпевшего З. в целях избавления от материальных затрат в виде возврата крупного денежного долга.

Вопреки доводам стороны защиты, изложенным в апелляционных жалобах, именно В. обратился к А. с просьбой о совершении убийства З., склонил его к совершению убийства, выбрал место его совершения — частное домовладение А. как наиболее удобное ввиду отсутствия случайных свидетелей; организовал встречу А. и потерпевшего, сообщив ему время и местонахождение потерпевшего в городе, одновременно уведомив потерпевшего, что на вокзале его встретит А.

Как установлено судом, А. являлся исполнителем убийства, им нанесены удары топором по голове потерпевшего.

Судом правильно отмечено, что, совершая убийство потерпевшего, А. стремился избавиться В. от материальных затрат, т.е. обязанности по возврату денежного долга. Мотив преступления установлен судом и в приговоре указан правильно.

Действия осужденных квалифицированы судом правильно, в соответствии с установленными судом фактическими обстоятельствами.

Нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену или изменение приговора, по делу не допущено.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительное заключение соответствуют требованиям ст.ст. 171, 220 УПК РФ. В них указаны существо обвинения, место и время совершения преступления, его способ, мотив и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела, описаны конкретные преступные действия В. и А., указан период возникновения умысла у В. и время совершения убийства.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом (ст.ст. 140, 146 УПК РФ) основанием для возбуждения уголовного дела публичного обвинения служит наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица по таким делам обязательным не является. Вынесение постановления о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту убийства потерпевшего З. в отношении А. наделяло органы предварительного следствия правом в дальнейшем предъявить обвинение в рамках данного уголовного дела иным установленным соучастникам преступления.

Возбуждение нового уголовного дела в отношении В. не требовалось, поскольку его обвинение связано с фактическими обстоятельствами, расследованными по ранее возбужденному уголовному делу.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Недобросовестное отношение военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, к своим обязанностям, в том числе подтвержденное наличием у него неснятых дисциплинарных взысканий, могло служить основанием для постановки вопроса о несоблюдении таким военнослужащим условий контракта о прохождении военной службы

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 19 мая 2016 г. № 207-КГ16-5

(Извлечение)

Апелляционным определением Восточно-Сибирского окружного военного суда от 4 августа 2015 г. отменено решение Яхтинского гарнизонного военного суда от 17 апреля 2015 г. в части отказа в удовлетворении заявления Г. о признании незаконным его досрочного увольнения с военной службы и исключения из списков личного состава воинской части. По делу в этой части принято новое решение о восстановлении заявителя на военной службе в прежней (или с его согласия — равной или не ниже) воинской должности.

В кассационной жалобе представитель командира войсковой части, ссылаясь на факты невыполнения заявителем условий контракта, что

нашло подтверждение в судебном заседании, и на соблюдение командованием порядка увольнения, просил об отмене апелляционного определения.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 19 мая 2016 г. сочла, что судом апелляционной инстанции допущена ошибка в применении норм материального права, выразившаяся в следующем.

Согласно материалам дела Г., проходивший военную службу по контракту, в 2013 и 2014 годах трижды привлекался к дисциплинарной ответственности. Приказами командира воинской части от 23 июля 2013 г. и от 28 марта 2014 г. заявителю объявлены строгий выговор и выговор за неприбытие на контрольное занятие по физической подготовке и неудовлетворительную физическую подготовку, а приказом того же воинского должностного лица от 20 ноября 2014 г. он предупрежден о неполном служебном соответствии за самовольное убийство из служебной командировки.

После этого Г. был представлен на аттестационную комиссию воинской части, по результатам заседания которой 15 декабря 2014 г. факты нарушения им воинской дисциплины в совокупности с отрицательной характеристикой и систематическим неприбытием в декабре 2014 г. на службу, в том числе в день заседания аттестационной комиссии (что явилось основанием для его розыска и переноса заседания комиссии на более позднее время), расценены как невыполнение заявителем условий контракта, в связи с чем комиссия пришла к выводу о целесообразности его досрочного увольнения с военной службы.

На следующий день командир воинской части представил заявителя к увольнению с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, указав в представлении, что Г. недобросовестно исполняет должностные обязанности, имеет три неснятых дисциплинарных взыскания.

По результатам рассмотрения представления командир вышестоящей воинской части приказом от 19 декабря 2014 г. досрочно уволил Г. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, после чего приказом от 19 января 2015 г. исключил его из списков личного состава воинской части.

Признавая названные приказы незаконными, суд апелляционной инстанции указал в определении, что при наложении дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии военнослужащему до увольнения с военной службы предоставляются время и возможность для исправления своего отношения к исполнению служебных обязанностей, чего в отношении Г. фактически сделано не было. Поскольку вывод командования о необходимости досрочного увольнения заявителя с военной службы сделан до истечения одного месяца после предупреждения о неполном служебном положении и в период, когда заявитель иных дисциплинарных проступков не совершил и каким-либо образом себя не проявил, такой вывод не может быть признан обоснованным.

При этом суд исходил из положений ст. 96 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, согласно которым военнослужащий может быть представлен к досрочному увольнению с военной службы до истечения одного года после предупреждения о неполном служебном соответствии лишь в случае систематического нарушения исполнения должностных и (или) специальных обязанностей.

Между тем судом оставлено без внимания, что досрочное увольнение Г. с военной службы явилось следствием невыполнения им условий контракта, выразившегося в недобросовестном отношении к исполнению обязанностей военной службы.

В соответствии с п. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В связи с этим недобросовестное отношение Г. к своим обязанностям, в том числе подтвержденное наличием у него неснятых дисциплинарных взысканий, могло служить основанием для постановки вопроса о его соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу, с точки зрения деловых и личных качеств.

Более того, после предупреждения о неполном служебном соответствии заявитель, вопреки утверждению суда апелляционной инстанции, своего поведения образцовым выполнением воинского долга не исправил, а, напротив, продолжил нарушать воинскую дисциплину, что выразилось в самовольном отсутствии на службе, в том числе в день заседания аттестационной комиссии.

Решение по вопросу досрочного увольнения заявителя с военной службы было принято в рамках процедуры аттестации, как это установлено п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

При таких данных вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии у командира воинской части оснований для заключения о невыполнении Г. условий контракта о прохождении военной службы и для принятия решения о его досрочном увольнении с военной службы основан на неправильном применении норм материального права.

Следовательно, приказы о досрочном увольнении заявителя с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и об исключении из списков личного состава воинской части являются законными.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила в кассационном порядке апелляционное определение Восточно-Сибирского окружного военного суда от 4 августа 2015 г. и оставила в силе решение Кяхтинского гарнизонного военного суда от 17 апреля 2015 г. по заявлению Г.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

Хищение чужого имущества, вверенного виновному, может квалифицироваться как совершенное лицом с использованием своего служебного положения только в том случае, если виновный является должностным лицом

*Постановление президиума
Верховного Суда Республики Адыгея
от 23 июня 2016 г.*

(Извлечение)

По приговору Майкопского районного суда Республики Адыгея от 21 октября 2015 г. М. осуждена по ч. 3 ст. 160 УК РФ к двум годам лишения свободы.

Приговор постановлен в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

М. признана виновной в присвоении, т.е. хищении чужого имущества, вверенного виновному, с использованием своего служебного положения.

В кассационном представлении государственный обвинитель просил приговор изменить, пе-

реквалифицировать действия М. с ч. 3 на ч. 1 ст. 160 УК РФ, поскольку в ее деянии отсутствует квалифицирующий признак совершения преступления “с использованием своего служебного положения”.

Президиум Верховного Суда Республики Адыгея 23 июня 2016 г. кассационное представление удовлетворил по следующим основаниям.

При рассмотрении уголовного дела допущены существенные нарушения уголовного закона, повлиявшие на исход дела.

Как установлено судом, согласно приказу Управления Федеральной почтовой связи Республики Адыгея — филиала ФГУП “Почта России” и трудовому договору М. работала в должности почтальона третьего класса отделения почтовой связи. В соответствии с квалификационной характеристикой выполняла служебные полномочия, заключавшиеся в том числе в выплате на дому пенсий и пособий. Трудовым договором была предусмотрена ее материальная ответственность за причинение ущерба работодателю.

19 мая 2015 г. М., получив денежные средства, подлежащие выплате населению, и ведомости на их выплату, подделала в ведомости подпись их получателя К. и присвоила 2333 руб., которыми распорядилась по своему усмотрению.

Действия М. суд квалифицировал по ч. 3 ст. 160 УК РФ.

Вместе с тем согласно разъяснению, данному в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате”, под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ), следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными

примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ.

Из материалов уголовного дела усматривается, что М. работала почтальоном и какими-либо из перечисленных выше полномочий не обладала, а исполняла трудовые обязанности, и ее действия подлежали квалификации по ч. 1 ст. 160 УК РФ.

При таких обстоятельствах президиум Верховного Суда Республики Адыгея приговор изменил, действия М. переквалифицировал с ч. 3 на ч. 1 ст. 160 УК РФ, назначил наказание в виде обязательных работ на срок 60 часов.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 2 (2016)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. Судья, участвовавший в рассмотрении уголовного дела, по итогам которого был отменен приговор ввиду необоснованного оправдания и мягкости назначенного наказания, не может повторно участвовать в рассмотрении данного уголовного дела.

По приговору суда от 28 декабря 2007 г. (с учетом внесенных изменений) Н. осужден по ч. 5 ст. 33, пп. “а”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ (эпизод в отношении С. и Б.), по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ (эпизод в отношении П.), по ч. 3 ст. 30, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ (эпизод в отношении А.), по ч. 3 ст. 30, п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ (эпизод в отношении Ц.).

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. приговор в отношении Н. оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденный Н. просил отменить кассационное определение от 26 июня 2008 г., мотивируя свою просьбу тем, что судья Е. повторно участвовал в рассмотрении уголовного дела в суде кассационной инстанции.

Президиум Верховного Суда РФ отменил кассационное определение от 26 июня 2008 г. по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 63 УПК РФ судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, не может участвовать в рассмотрении данного уголовного дела в суде второй инстанции или в порядке надзора, а равно участвовать в новом рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции в случае отмены вынесенного с его участием приговора.

В силу общепризнанных принципов справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела (поскольку оно было связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу) является недопустимым вне зависимости от того, было или не было отменено вышестоящим судом ранее принятое с участием этого судьи решение.

В противном случае высказанная судьей в процессуальном решении позиция о наличии

или отсутствии события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и, таким образом, могла бы поставить под сомнение объективность и беспристрастность судьи.

Данные требования о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела действуют на всех этапах судебного разбирательства, в том числе и при обжаловании судебных решений.

Из материалов уголовного дела усматривается, что по приговору суда от 18 мая 2007 г. Н. был признан виновным в покушении на убийство А. и Ц.

По этому же приговору по эпизодам пособничества убийству Б., С. и А., а также пособничества покушению на убийство П. он был оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, в состав которой входил судья Е., рассмотрев 7 ноября 2007 г. уголовное дело в кассационном порядке, в том числе по кассационному представлению государственного обвинителя и кассационным жалобам потерпевших, в которых ставился вопрос о незаконном оправдании Н., неправильном применении положений ст. 62 УК РФ и несправедливости назначенного наказания, признала изложенные в них доводы обоснованными.

Отменяя приговор от 18 мая 2007 г., Судебная коллегия обратила внимание на то, что выводы суда первой инстанции об отсутствии доказательств пособничества Н. убийству трех лиц и покушения на убийство П. сделаны без учета ряда доказательств, представленных стороной обвинения, а содержание некоторых из них искажено.

После отмены приговора по основаниям, указанным в кассационном представлении и жалобах потерпевших, Н. по приговору суда от 28 декабря 2007 г. был признан виновным в том числе в совершении ряда преступлений, по которым ранее он был оправдан.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г., в состав которой входил судья Е., ранее принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в отношении Н. в суде кассаци-

онной инстанции, указанный приговор был оставлен без изменения.

При таких обстоятельствах повторное участие судьи Е. в рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции являлось недопустимым, поскольку оно было связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с участием этого судьи обстоятельств по делу, что относится к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела.

Уголовное дело в отношении Н. передано на новое кассационное рассмотрение в порядке, предусмотренном главой 45 УПК РФ.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 5-П16*

По гражданским делам

2. Вопрос о восстановлении срока на обжалование судебного акта лицу, не привлеченному к участию в деле, рассматривается с исследованием фактических обстоятельств, указывающих на права и обязанности данного лица, затронутые в результате принятия обжалуемого судебного акта.

Решением суда первой инстанции от 15 ноября 2013 г. удовлетворен иск территориального управления Росимущества о признании самовольной постройкой 14-этажного многоквартирного жилого дома, строительство которого не завершено, сносе указанного дома, взыскании с П. задолженности по арендной плате и расторжении договора аренды земельного участка. В удовлетворении встречных исковых требований о признании права собственности на самовольную постройку П. отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда от 14 января 2014 г. указанное выше решение отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении иска территориального управления Росимущества отказано, иск П. удовлетворен.

7 апреля 2015 г. К. обратилась в суд с заявлением о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу кассационной жалобы на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам краевого суда от 14 января 2014 г. В обоснование заявления К. указала, что является собственником одной из квартир в жилом доме, расположенном на земельном участке, смежном с земельным участком, на котором расположен строящийся 14-этажный многоквартирный жилой дом, являющийся предметом спора по делу; обжалуемым судебным актом непосредственно затрагиваются ее права и законные интересы, однако она не была привлечена к участию в деле, а узнала об обжалуемом судебном постановлении из письма администрации муниципального образования от 3 апреля 2015 г., копию которого приложила к заявлению.

Определением суда от 14 апреля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 19 мая 2015 г., заявление К. удовлетворено.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. определение суда от 14 апреля 2015 г. и апелляционное определение от 19 мая 2015 г. отменены, в удовлетворении заявления К. отказано.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по надзорной жалобе К., отменил указанное определение Судебной коллегии по гражданским

делам Верховного Суда РФ и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 3 ст. 391⁹ ГПК РФ судебные постановления подлежат отмене или изменению, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда РФ установит, что соответствующее обжалуемое судебное постановление нарушает единообразие в толковании и применении судами норм права.

Согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции” при рассмотрении кассационных жалобы, представления с делом суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой и апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими, а также исследовать новые доказательства (ч. 2 ст. 390 ГПК РФ).

В п. 27 этого же постановления Пленума разъяснено, что если судами первой и (или) апелляционной инстанций допущена ошибка в применении и (или) толковании норм материального права, для исправления которой после отмены (изменения) судебных постановлений не требуется установления новых обстоятельств дела, представления, исследования и оценки доказательств, то суду кассационной инстанции следует принять новое судебное постановление (определение), не передавая дело на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции (п. 5 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ).

Исходя из данных разъяснений, суд кассационной инстанции вправе принять новое судебное постановление, т.е. разрешить спор или вопрос по существу только в том случае, если нижестоящим судом допущена ошибка в применении и (или) толковании правовых норм. В случае же, если нижестоящим судом не были установлены обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения спора, суд кассационной инстанции обязан направить дело на новое рассмотрение в нижестоящий суд — суд первой или апелляционной инстанции, к полномочиям которых отнесено установление указанных обстоятельств на основании представленных сторонами спора в порядке ст.ст. 56, 57 ГПК РФ доказательств и с соблюдением принципов состязательности, равноправия сторон и непосредственности судебного разбирательства.

При разрешении вопроса о восстановлении лицу, не привлеченному к участию в деле, пропущенного процессуального срока на обжалование судебного акта либо об отказе в восстановлении такого срока в судебном заседании первой или апелляционной инстанции должны быть исследованы юридически значимые обстоятельства, а именно: лишено ли данное лицо каких-либо прав или ограничено в правах, наделено правами либо на него возложена обязанность (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”, абз. 4 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законода-

тельства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”).

Между тем, признав, что ни судом первой инстанции, ни судом апелляционной инстанции не были установлены названные юридически значимые обстоятельства, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в нарушение п. 5 ч. 1 и ч. 2 ст. 390 ГПК РФ, без учета разъяснений п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции” разрешила по существу вопрос об отказе К. в восстановлении срока на обжалование судебного акта в кассационном порядке, что повлекло за собой нарушение единообразия в применении норм процессуального права.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 1-ПВ16*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

I. Разрешение споров, связанных с использованием земельных участков для жилой застройки

1. Строения и сооружения, построенные ближе установленных строительными нормами и правилами минимальных расстояний до объектов систем газоснабжения, подлежат сносу.

Газовая компания обратилась в суд с иском К. Г., обществу (застройщик) об устранении нарушений прав путем возложения обязанности за свой счет снести строения, расположенные на земельном участке вблизи магистрального газопровода.

Решением суда исковые требования удовлетворены, Г. обязан снести за свой счет спорное строение, расположенное в зоне минимально допустимых расстояний магистрального газопровода. В удовлетворении исковых требований к застройщику отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции в части возложения на Г. обязанности по сносу строения и взыскания государственной пошлины отменено с принятием в отмененной части нового решения об отказе в удовлетворении иска. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила указанное апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Судом установлено, что по территории муниципального района проходит магистральный газопровод диаметром 325 мм, рабочее давление — 55 кгс/см. Строительство магистрального газопровода осуществлено в 1965 году.

Согласно заключению судебной строительно-технической экспертизы фактическое расстояние от оси магистрального газопровода до границы земельного участка и жилого дома Г. составляет соответственно 85,07 м и 98,07 м.

Истец предупреждал застройщика о том, что строительство не согласовано с истцом, в результате чего заложена в проекте застраиваемая зона оказалась в пределах минимальных безопасных расстояний магистрального газопровода, в связи с чем застройщику было предложено переработать проект застройки и согласовать его с представителями газовой компании, а также пре-

кратить любые строительные работы до устранения выявленных нарушений.

Исполнительный комитет муниципального района был поставлен в известность, что на территории района расположены магистральные газопроводы высокого давления с указанием фактического местоположения трубопроводов с целью предотвращения нарушений охранной зоны (25 м от оси газопровода в обе стороны) и зоны минимально безопасных расстояний (от 100 до 150 м от оси газопровода в обе стороны) при строительстве зданий, сооружений, различных коммуникаций.

Тем не менее исполнительным комитетом застройщику были выданы разрешение на строительство коттеджного поселка, а также разрешение на ввод объекта в эксплуатацию.

Учитывая изложенное, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что объекты ответчика расположены в нарушение минимальных расстояний от оси газопровода, который является источником повышенной опасности, создает угрозу жизни и здоровью как самого ответчика, так и граждан, дома которых расположены в непосредственной близости от земельного участка ответчика, строения ответчика являются дополнительным катализатором и распространяющим пожар элементом в случае аварии на газопроводе, и удовлетворил исковые требования о возложении обязанности снести строения, расположенные в зоне минимально допустимых расстояний магистрального газопровода, на земельном участке, принадлежащем Г.

В удовлетворении исковых требований к застройщику, как не являющемуся собственником жилого дома и земельного участка, суд отказал.

Отменяя решение суда в части возложения на Г. обязанности по сносу строения и взыскания государственной пошлины и постановляя в отмененной части новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции указал, что спорное строение находится в охранной зоне лишь в своей незначительной части и под углом к газопроводу.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в кассационном порядке признала выводы суда апелляционной инстанции ошибочными.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ “О газоснабжении в Российской Федерации” (далее — Закон о газоснабжении) охранная зона объектов системы газоснабжения — территория с особыми условиями использования, которая устанавливается в порядке, определенном Правительством РФ, вдоль трассы газопроводов и вокруг других объектов данной системы газоснабжения в целях обеспечения нормальных условий эксплуатации таких объектов и исключения возможности их повреждения.

В соответствии с п. 6 ст. 90 Земельного кодекса РФ и ч. 6 ст. 28 Закона о газоснабжении границы охранных зон, на которых размещены объекты системы газоснабжения, определяются на основании строительных норм и правил, правил охраны магистральных трубопроводов, других утвержденных в установленном порядке нормативных документов.

Пунктом 4.1 Правил охраны магистральных трубопроводов, утвержденных заместителем министра топлива и энергетики России 29 апреля 1992 г. и постановлением Госгортехнадзора России от 24 апреля 1992 г. № 9 (далее — Правила),

предусмотрено установление охранных зон для исключения возможности повреждения трубопроводов (при любом виде их прокладки).

Пунктом 4.4 Правил установлен запрет на возведение любых построек и сооружений в охранных зонах трубопроводов без письменного разрешения предприятий трубопроводного транспорта.

На основании ч. 4 ст. 32 Закона о газоснабжении здания, строения и сооружения, построенные ближе установленных строительными нормами и правилами минимальных расстояний до объектов систем газоснабжения, подлежат сносу за счет средств юридических и физических лиц, допустивших нарушения.

Согласно п. 7.15 СП 36.13330.2012. Свод правил. Магистральные трубопроводы. Актуализированная редакция СНиП 2.05.06-85* расстояния от оси подземных и наземных (в насыпи) трубопроводов до населенных пунктов, отдельных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, зданий и сооружений должны приниматься в зависимости от класса и диаметра трубопроводов, степени ответственности объектов и необходимости обеспечения их безопасности, но не менее значений, указанных в таблице 4.

Распоряжением Правительства РФ от 21 июня 2010 г. № 1047-р утвержден Перечень национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (далее — Перечень).

Пунктом 40 Перечня предусмотрено, что применению на обязательной основе для обеспечения соблюдения требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» подлежат следующие части СНиП 2.05.06-85* «Магистральные трубопроводы»: разделы 1, 2, 3 (пп. 3.1—3.15, 3.18—3.23, 3.25, 3.27), 4 (пп. 4.1, 4.2, 4.4—4.22), 6 (пп. 6.1—6.7, 6.9—6.31*, 6.34*—6.37), 7—10, 12 (пп. 12.1*, 12.2*, 12.4*, 12.5, 12.7, 12.12*, 12.15*, 12.16, 12.19, 12.20, 12.30—12.33*, 12.35*).

Пункт 3.8 Перечня содержит таблицу 4, регламентирующую минимально допустимые расстояния от оси трубопроводов до объектов, зданий, сооружений.

Согласно таблице 4 в населенных пунктах при наличии газопровода диаметром свыше 300 до 600 мм запрещено строительство зданий и сооружений ближе чем на 150 м в обе стороны от оси магистрального газопровода.

Как следует из материалов дела, принадлежащий Г. земельный участок согласно выписке из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним относится к категории земель — земли населенных пунктов.

На основании п. 1 примечания к таблице 4 расстояния, указанные в таблице, следует принимать: для городов и других населенных пунктов — от проектной городской черты на расчетный срок 20—25 лет.

В силу п. 2 примечания к таблице 4 под отдельно стоящим зданием или строением следует понимать здание или строение, расположенное вне населенного пункта на расстоянии не менее 50 м от ближайших к нему зданий и сооружений.

Сославшись на незначительность нарушения минимально допустимых расстояний от оси газопровода до жилого дома ответчика, суд не учел,

что по смыслу Закона о газоснабжении это обстоятельство само по себе не могло служить основанием для отказа в удовлетворении требований о сносе зданий, строений и сооружений, построенных ближе установленных минимальных расстояний.

Кроме того, суд апелляционной инстанции, придя к выводу о том, что истец мог избрать другой способ защиты своих интересов, не указав, какой иной способ защиты интересов истцу следовало избрать. Суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что судом первой инстанции по делу назначалась строительно-техническая экспертиза, на разрешение которой в том числе были поставлены вопросы о возможности изменения класса магистрального газопровода в целях устранения нарушений минимальных расстояний; наличии угрозы повреждения спорного строения, жизни и здоровью граждан в случае возникновения аварийной ситуации на газопроводе; наличии возможности проведения дополнительных работ по укреплению спорного строения. Эта экспертиза не была выполнена в связи с загруженностью отдела экспертиз, испытаний и проектирования автономной некоммерческой организации по экспертизе и испытаниям в строительстве.

Тем не менее при отсутствии заключения назначавшейся строительно-технической экспертизы суд апелляционной инстанции был вправе предложить сторонам представить дополнительные доказательства в подтверждение наличия иного способа защиты интересов газовой компании и соблюдения требований охранной зоны магистрального газопровода.

Определение № 11-КГ15-33

2. Право собственности на самовольную постройку не может быть признано за лицом, создавшим в результате реконструкции новый объект, если возведение такого объекта осуществлено с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил и создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Х. и другие (11 человек) обратились в суд с иском к Д. о прекращении права общей долевой собственности и о разделе жилого дома, указав следующее. Сторонам по делу на праве общей долевой собственности принадлежат жилой дом и земельный участок. Истцы обратились к ответчику с предложением о прекращении права общей долевой собственности на данный дом путем выдела каждому отдельного помещения в виде квартиры. Однако Д. бесосновательно уклоняется от заключения соответствующего соглашения, что создает препятствия остальным собственникам спорного дома для реализации своих прав.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены: прекращено право общей долевой собственности на спорный жилой дом, данный дом признан многоквартирным, сторонам по делу в счет принадлежащих им долей в праве общей долевой собственности на дом выделены изолированные части дома — квартиры и нежилые помещения.

Разрешая спор, суд установил, что стороны являются собственниками земельного участка, на котором возведен многоквартирный жилой дом. Придя к выводу, что данный жилой дом является самовольной постройкой, суд, приняв во внимание заключение о соответствии требованиям пожарной безопасности объемно-планировочных и конструктивных решений жилого дома,

признал за истцами право собственности на помещения в данном доме, удовлетворив тем самым заявленные иски о признании права собственности.

Не согласившись с принятым решением суда, администрация муниципального образования подала апелляционную жалобу, в которой указывалось на невозможность признания права собственности граждан на часть самовольной постройки, однако судебная коллегия по гражданским делам краевого суда оснований для отмены решения суда не усмотрела.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ по кассационной жалобе администрации муниципального образования отменила состоявшееся апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

По смыслу действующего законодательства совершать какие-либо юридически значимые действия, как правило, возможно только в отношении существующего объекта гражданских прав.

Обосновывая свои требования, истцы ссылались на то, что они являются собственниками долей в праве собственности на трехэтажный жилой дом общей площадью 1437,8 кв. м на основании договора купли-продажи долей в праве общей долевой собственности.

К исковому заявлению были приложены соответствующие копии свидетельств о государственной регистрации права собственности, выписка из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, копия договора, из которых следует, что спорное строение является жилым домом с тремя этажами и площадью 1437,8 кв. м.

Как установлено судом, по данному адресу расположено шестиэтажное строение с цокольным этажом и площадью, существенно превышающей 1437,8 кв. м, истцы просили суд выделить реальные доли именно из этого объекта, который не зарегистрирован в установленном законом порядке.

Право общей долевой собственности истцов на данный объект, о выделе реальной доли в котором ставился вопрос в искомом заявлении, ничем не подтверждено, в связи с чем у суда не было оснований удовлетворять иски о выделе реальных долей так, как они были заявлены.

В соответствии с п. 1 ст. 222 ГК РФ самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные, созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные, созданные без получения на это необходимых разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

По смыслу ст.ст. 128, 129, 222 ГК РФ самовольное строение в гражданский оборот не введено и не может в нем участвовать: с ним нельзя совершать какие-либо гражданско-правовые сделки, право на него не может быть установлено и зарегистрировано.

Ответчиком по иску о выделе доли в имуществе может быть только собственник данного имущества, между тем лицо, осуществившее самовольную постройку, в силу п. 2 ст. 222 ГК РФ не приобретает на нее право собственности, не вправе распоряжаться постройкой и совершать какие-либо сделки до признания такого права су-

дом, требования как к собственнику к нему предъявлены быть не могут.

Право собственности Д. на возведенный им объект, о выделе реальной доли из которого ставили вопрос истцы, не зарегистрировано, судом такое право не признавалось.

В ст. 222 ГК РФ закреплены три признака, при наличии хотя бы одного из которых строение, сооружение или иное недвижимое имущество являются самовольной постройкой, в частности если строение, сооружение или иное недвижимое имущество возведены:

1) на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами;

2) без получения на это необходимых разрешений;

3) с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил.

Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором создана постройка, при одновременном соблюдении следующих условий:

если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта;

если на день обращения в суд постройка соответствует параметрам, установленным документацией по планировке территории, правилами землепользования и застройки или обязательными требованиями к параметрам постройки, содержащимися в иных документах;

если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан (п. 3 ст. 222 ГК РФ).

При рассмотрении дела судом не были добыты и исследованы доказательства, свидетельствующие о том, что самовольная постройка может быть введена в гражданский оборот.

Суд не дал оценки тому обстоятельству, что земельный участок, на котором возведено спорное строение, имеет целевое назначение для индивидуального жилищного строительства, в результате проведенной реконструкции на земельном участке возведено шестиэтажное здание с цокольным этажом, которое признано судом многоквартирным жилым домом.

Многоквартирный жилой дом объектом индивидуального жилищного строительства не является, его нахождение на данном земельном участке не соответствует целевому назначению данного земельного участка.

Положения ст. 222 ГК РФ распространяются на самовольную реконструкцию недвижимого имущества, в результате которой возник новый объект.

В силу п. 4 ч. 17 ст. 51 Градостроительного кодекса РФ (далее — ГрК РФ) выдача разрешения на строительство не требуется в случае изменения объектов капитального строительства и (или) их частей, если такие изменения не затрагивают конструктивные и другие характеристики их надежности и безопасности и не превышают предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции, установленные градостроительным регламентом.

Из содержания указанных правовых норм следует, что право собственности на самовольную постройку не может быть признано за лицом в случае, если лицо осуществило реконструкцию имущества, в результате которой возник новый объект.

Согласно положениям ст.ст. 1, 2, 8, 9, 30, 36, 44, 47, 48, 55 ГрК РФ при строительстве или реконструкции объекта недвижимости требуются, помимо наличия права на земельный участок, доказательства осуществления строительства на основе документов территориального планирования и правил землепользования и застройки, а также осуществления градостроительной деятельности с соблюдением требований безопасности территорий, инженерно-технических требований, требований гражданской обороны, обеспечением предупреждения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления градостроительной деятельности с соблюдением требований охраны окружающей среды и экологической безопасности, при наличии в установленном порядке составленной проектной документации, разрешения на ввод объекта недвижимости в эксплуатацию, подтверждающих осуществление застройки с соблюдением градостроительных и строительных норм и правил, норм и правил о безопасности.

Данный порядок, установленный Градостроительным кодексом РФ, направлен на устойчивое развитие территорий муниципальных образований, сохранение окружающей среды и объектов культурного наследия, создание условий для планировки территорий, обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц, в том числе правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства.

В соответствии с п. 20 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” выдача разрешений на строительство (за исключением случаев, предусмотренных Градостроительным кодексом РФ, иными федеральными законами), разрешений на ввод объектов в эксплуатацию при осуществлении строительства, реконструкции объектов капитального строительства, расположенных на территории городского округа, относится к вопросам местного значения городского округа.

В силу положений ст. 51 ГрК РФ и ст. 3 Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ “Об архитектурной деятельности в Российской Федерации” строительство, реконструкция объектов капитального строительства, а также их капитальный ремонт осуществляются на основании разрешения на строительство, которое выдается органом местного самоуправления по месту нахождения земельного участка, где планируется строительство. К заявлению о выдаче разрешения в обязательном порядке должны прилагаться, помимо правоустанавливающих документов на земельный участок, также градостроительный план земельного участка, материалы проектной документации и иные предусмотренные ст. 51 названного Кодекса документы.

Согласно ч. 2 ст. 48 ГрК РФ проектная документация представляет собой документацию, содержащую материалы в текстовой форме и в виде карт (схем) и определяющую архитектурные, функционально-технологические, конструктивные и инженерно-технические решения для обеспечения строительства, реконструкции объ-

ектов капитального строительства, их частей, капитального ремонта.

Осуществление подготовки проектной документации не требуется при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов индивидуального жилищного строительства (отдельно стоящих жилых домов с количеством этажей не более чем три, предназначенных для проживания одной семьи).

Частью 11 указанной статьи Кодекса предусмотрено, что подготовка проектной документации осуществляется, в частности, на основании результатов инженерно-технических изысканий и градостроительного плана земельного участка.

Согласно ч. 12 ст. 48 ГрК РФ в состав проектной документации объектов капитального строительства входит пояснительная записка, в том числе с результатами инженерных изысканий, техническими условиями.

В соответствии со ст. 49 ГрК РФ проектная документация объектов капитального строительства и результаты инженерных изысканий, выполненных для подготовки такой проектной документации, подлежат экспертизе и утверждаются при наличии положительного заключения государственной экспертизы проектной документации.

Предметом экспертизы являются оценка соответствия проектной документации требованиям технических регламентов, в том числе санитарно-эпидемиологическим, экологическим требованиям, государственной охраны объектов культурного наследия, требованиям пожарной, промышленной, ядерной, радиационной и иной безопасности, а также результатам инженерных изысканий, и оценка соответствия результатов инженерных изысканий требованиям технических регламентов.

Согласно ч. 1 ст. 47 ГрК РФ не допускаются подготовка и реализация проектной документации без выполнения соответствующих инженерных изысканий.

Учитывая приведенные выше нормы права, при разрешении настоящего спора суду надлежало установить, не угрожает ли самовольно возведенная постройка жизни и здоровью граждан, что устанавливается при проведении государственной экспертизы проектной документации, не нарушает ли права третьих лиц, предпринимались ли попытки ее легализации в том виде, в котором она возведена, и лишь при установлении перечисленных обстоятельств было возможно удовлетворять требования о признании на нее права собственности.

Необходимая документация на фактически возведенный объект в материалах дела отсутствует, суд не исследовал вопрос о ее наличии.

На данные обстоятельства администрация муниципального образования указывала в апелляционной жалобе, однако судебная коллегия по гражданским делам краевого суда данные доводы не проверила и не дала им оценки.

Отделение № 18-КГ15-241

II. Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

3. При отказе потребителя от исполнения договора об оказании платных образовательных услуг исполнителю оплачиваются только фактически понесенные им расходы, связанные с исполнением обязательств по данному договору.

З. обратилась в суд с иском к учебному заведению о взыскании суммы неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами.

В обоснование заявленных требований она указала, что между ней и учебным заведением 19 июля 2013 г. был заключен договор на оказание платных образовательных услуг сроком до 30 июня 2023 г. По условиям данного договора она приняла на себя обязательство ежемесячно оплачивать обучение своего сына в размере 50 тыс. рублей. Пунктом 6.3 договора была предусмотрена плата за услуги психолого-педагогического тестирования на всех этапах обучения за весь период в сумме 200 тыс. рублей. Обязательство по оплате данного тестирования истцом было исполнено в полном объеме, ею уплачено 200 тыс. рублей. В связи с тем, что ответчиком изменено место оказания образовательных услуг, истец была вынуждена отказать от договора, о чем ею было направлено ответчику заявление, содержащее также просьбу о возврате уплаченной за психолого-педагогическое тестирование суммы. Однако данное заявление учебным заведением было оставлено без удовлетворения.

Поскольку за десятилетний период обучения оплата психолого-педагогического тестирования составляет 200 тыс. рублей, а З. отказалась от договора после первого года обучения, она просила взыскать за оставшиеся девять лет 180 тыс. рублей, которые, по ее мнению, являются для учебного заведения неосновательным обогащением, а также проценты за пользование чужими денежными средствами.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции, ссылаясь на положение учебного заведения о входном психолого-педагогическом тестировании обучающихся, а также на положение о приеме в учебное заведение, утвержденные директором этого учреждения 31 августа 2013 г. и 30 мая 2013 г. соответственно (далее — Положение о входном тестировании и Положение о приеме), указал, что предусмотренная договором услуга психолого-педагогического тестирования является единовременной и истцу оказана при приеме обучающегося в гимназию.

С данными выводами согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводом судебных инстанций не согласилась по следующим основаниям.

Судом по делу установлено, что между учебным заведением (ответчиком по делу) и З. заключен договор на оказание платных образовательных услуг по программе начального и основного общего образования.

Согласно преамбуле Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” (далее — Закон о защите прав потребителей) потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности; исполнителем является организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору.

Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, под услугой следует понимать действие (комплекс действий), совершаемое исполнителем в интересах и по заказу потребителя в целях, для которых услуга такого рода обычно используется, либо отвечающее целям, о которых исполнитель был поставлен в известность потребителем при заключении возмездного договора.

Согласно п. 2 Правил оказания платных образовательных услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 августа 2013 г. № 706 (далее — Правила), заказчиком является физическое и (или) юридическое лицо, имеющее намерение заказать либо заказывающее платные образовательные услуги для себя или иных лиц на основании договора, а исполнителем — организация, осуществляющая образовательную деятельность и предоставляющая платные образовательные услуги обучающемуся.

Таким образом, Закон о защите прав потребителей распространяется в том числе на отношения, вытекающие из договора об оказании платных образовательных услуг.

Вместе с тем, как следует из обжалуемых судебных постановлений, Закон о защите прав потребителей судами не применен.

Неприменение судом указанного Закона само по себе могло привести к неправильному разрешению спора вследствие неправильного определения объема прав и обязанностей сторон и неправильного распределения обязанности доказывания.

Так, в соответствии со ст. 10 Закона о защите прав потребителей исполнитель обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию, включая цену и условия предоставления услуги, а также информацию о правилах ее оказания.

Согласно п. 1 ст. 12 этого же Закона, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию об услуге, он вправе в разумный срок отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков.

В силу ст. 13 данного Закона, если иное не установлено законом, убытки, причиненные потребителю, подлежат возмещению в полной сумме сверх неустойки (пени), установленной законом или договором (п. 2).

Изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом (п. 4).

Как следует из пп. 9 и 10 указанных выше Правил, исполнитель обязан до заключения договора и в период его действия предоставлять заказчику достоверную информацию о себе и об оказываемых платных образовательных услугах, обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Исполнитель обязан довести до заказчика информацию, содержащую сведения о предоставлении платных образовательных услуг в по-

рядке и объеме, которые предусмотрены Законом о защите прав потребителей и Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 279-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации”.

Ссылаясь на Положение о входном тестировании и на Положение о приеме, судебные инстанции не учли предусмотренную приведенными выше положениями Закона о защите прав потребителей и Правилами обязанность исполнителя предоставить заказчику полную информацию об условиях предоставления услуги и ее оплаты, исходя из которой потребитель имел бы возможность принять решение о выборе услуги либо об отказе от нее.

Обязанность доказать факт предоставления потребителю надлежащей информации об услуге также возложена законом на ответчика.

Как следует из судебных постановлений, судом не установлено, что истец была ознакомлена с условиями о том, что оплата производится только за проведение входного психолого-педагогического тестирования, отсутствуют и ссылки на то, что ответчиком представлялись какие-либо доказательства исполнения им обязанности проинформировать об этом потребителя.

Кроме того, из Положения о приеме прямо не следует, что на последующих этапах обучения психолого-педагогическое тестирование не проводится.

Отсутствие в Положении о приеме указаний на тестирование при последующих этапах обучения не исключает того, что стороны могли заключить соглашение о психолого-педагогическом тестировании на всех этапах обучения.

Положение о входном тестировании, на которое сослался суд, принято 31 августа 2013 г. — после заключения сторонами договора на оказание платных образовательных услуг и предусматривает иной размер оплаты услуг психолого-педагогического тестирования, чем тот, который указан в договоре между сторонами.

Ссылку на Положение о приеме и на Положение о входном тестировании в части, касающейся соглашения об услуге психолого-педагогического тестирования, договор не содержит.

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений.

Довод судов первой и апелляционной инстанций о том, что внесенные истцом 200 тыс. рублей являются платой только за проведение входного психолого-педагогического тестирования, противоречит содержанию договора, в котором прямо указано, что это плата за услуги психолого-педагогического тестирования на всех этапах обучения за весь период обучения.

В соответствии со ст. 32 Закона о защите прав потребителей потребитель вправе отказаться от исполнения договора об оказании услуг в любое время при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, связанных с исполнением обязательств по данному договору.

Отказ истца от дальнейшего обучения сына в НОУ соответственно предполагает прекращение услуг тестирования и отсутствие у ответчика расходов на проведение его в будущем.

Между тем обжалуемыми судебными постановлениями потребитель отказано в возврате уплаченной авансом суммы.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение судебной колле-

гии по гражданским делам областного суда с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 4-КГ15-60

4. Последствием признания недействительным соглашения об оказании юридической помощи, исполненного сторонами, является двусторонняя реституция.

Адвокатское образование не несет солидарной ответственности по обязательствам адвоката, возникающим из соглашений об оказании им юридической помощи доверителю.

Некоммерческая организация обратилась в суд с иском к адвокату З., адвокатскому бюро о признании недействительным соглашения об осуществлении адвокатской деятельности и оказании юридической помощи, поскольку оно подписано от имени истца неуполномоченным лицом и заключено без одобрения президентским советом юридического лица, как того требуют сделки, совершаемые на сумму, превышающую 100 тыс. рублей, также просила взыскать солидарно с ответчиков уплаченные в рамках названного соглашения партнерством денежные средства, указывая, что услуги по оспариваемому соглашению ответчиками фактически не оказывались.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены.

Судом установлено и подтверждается материалами дела, что единоличным исполнительным органом некоммерческой организации является исполнительный директор.

26 мая 2010 г. на очередном общем собрании членов этой некоммерческой организации его исполнительным директором избран Ш., сведения о нем, как об исполнительном директоре, внесены в ЕГРЮЛ. Впоследствии его полномочия также подтверждены на очередном общем собрании 26 мая 2011 г., проведенном в г. Санкт-Петербурге.

В этот же день — 26 мая 2011 г. общее внеочередное собрание членов названного юридического лица проводилось и в г. Москве. По результатам собрания полномочия Ш. в качестве исполнительного директора партнерства досрочно прекращены, и на указанную должность избран Л. В июне 2011 г. на основании протокола этого собрания в ЕГРЮЛ внесены сведения об исполнительном директоре данной некоммерческой организации Л.

Решением арбитражного суда, вступившим в законную силу 11 октября 2012 г., признаны недействительными решение внеочередного общего собрания членов некоммерческой организации (истца) от 26 мая 2011 г. в части досрочного прекращения полномочий Ш. в качестве исполнительного директора данной организации и избрания на должность исполнительного директора Л., а также распоряжение органа юстиции от 17 июня 2011 г. о регистрации внесения в ЕГРЮЛ изменений в сведения о юридическом лице, не связанных с внесением изменений в учредительные документы этого некоммерческого партнерства.

23 января 2013 г. приговором мирового судьи, вступившим в законную силу 22 марта 2013 г., Л. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170¹ УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 100 тыс. рублей.

Приговором установлено, что Л. представил в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документы, содержащие заведомо ложные данные, в целях внесения в ЕГРЮЛ сведений об исполнительном органе некоммерческого партнерства и лице, имеющем право без доверенности действовать от имени указанного юридического лица.

До этого, 14 сентября 2011 г., между данной некоммерческой организацией (доверитель) в лице исполнительного директора Л., с одной стороны, и адвокатским бюро (поверенный), адвокатом З., с другой стороны, было подписано соглашение об осуществлении адвокатской деятельности и оказании юридической помощи.

По условиям данного соглашения поверенный и адвокат имеют право представлять интересы клиента в конституционном, гражданском, административном, уголовном судопроизводстве и судопроизводстве по делам об административных правонарушениях, а также представлять интересы клиента в органах государственной власти, местного самоуправления, в отношениях с физическими и (или) юридическими лицами. Виды оказываемой юридической помощи и осуществляемой адвокатской деятельности указаны в приложении к соглашению.

Согласно указанному соглашению оказание юридической помощи осуществляется по нескольким делам, находящимся в производстве арбитражного суда. Вознаграждение за оказание юридической помощи независимо от объема подлежит выплате (в том числе при расторжении соглашения, в том числе в одностороннем порядке) и составляет 2580 тыс. рублей.

Во исполнение соглашения с банковского счета истца на банковский счет адвокатского бюро 20 и 21 сентября 2011 г. переведены денежные средства в общей сумме 2500 тыс. рублей.

Судом также установлено, что Л. осуществлял функции исполнительного директора некоммерческой организации (истца) до 19 января 2012 г.

Удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции исходил из того, что оспариваемое соглашение от имени истца заключено неуполномоченным лицом в нарушение установленного порядка.

При этом суд пришел к выводу о взыскании в пользу истца уплаченной по соглашению денежной суммы с адвокатского бюро и адвоката З. в солидарном порядке, исходя из того, что по условиям соглашения адвокат и поверенный совместно должны были оказывать юридическую помощь.

Суд апелляционной инстанции согласился с решением суда первой инстанции, дополнительно указав, что, поскольку услуги по оспариваемому соглашению оказывались именно по защите прав лица, полномочия которого оспаривались в суде, у ответчиков имелись основания полагать, что данное лицо не было уполномочено в установленном законом порядке на заключение от имени истца оспариваемого соглашения и перечисление денежных средств со счета некоммерческой организации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в кассационном порядке признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 167 ГК РФ действительная сделка не влечет юридических

последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Согласно ч. 3 ст. 61 ГК РФ при рассмотрении гражданского дела обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда, не должны доказываться и не могут оспариваться лицами, если они участвовали в деле, которое было разрешено арбитражным судом.

Вступившим в законную силу решением арбитражного суда, истцом по которому выступала указанная некоммерческая организация, было установлено, что услуги этому юридическому лицу на основании оспариваемого соглашения во исполнение обязательств по нему адвокатским бюро оказывались.

В ходе рассмотрения спора судом первой инстанции ответчики представили в материалы дела документы, подтверждающие оказание юридической помощи истцу в виде представления его интересов по нескольким делам, рассмотренным в арбитражных судах.

По смыслу п. 2 ст. 167 ГК РФ взаимные предоставления по недействительной сделке, которая была исполнена обеими сторонами, считаются равными, пока не доказано иное. При удовлетворении требования одной стороны недействительной сделки о возврате полученного другой стороной суд одновременно рассматривает вопрос о взыскании в пользу последней всего, что получила первая сторона, если иные последствия недействительности не предусмотрены законом.

Суд первой инстанции, признавая недействительным оспариваемое соглашение и применяя последствия его недействительности, в нарушение положений ст. 167 ГК РФ не разрешил вопрос о возмещении доверителем оказанных ему ответчиками услуг, тем самым нарушил предусмотренное п. 2 данной статьи право ответчиков на возврат исполненного по недействительной сделке.

Согласно п. 1 ст. 322 ГК РФ солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарности обязанности или требования предусмотрены договором или установлена законом, в частности при неделимости предмета обязательства.

При солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга (п. 1 ст. 323 ГК РФ).

Как следует из материалов дела, заключенное сторонами соглашение предусматривало, что оказание юридических услуг по нему осуществляется адвокатом, который, в свою очередь, наделен правом привлекать в указанных целях любых третьих лиц. Условий о совместном оказании юридических услуг адвокатом З. и адвокатским бюро (поверенным) соглашение не содержит.

Права и обязанности сторон в соглашении об оказании юридической помощи адвокатом регулируются главой 39 ГК РФ и Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ "Об адвокатской

деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” (далее — Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, Федеральный закон).

Пунктом 2 ст. 23 Федерального закона установлено, что к отношениям, возникающим в связи с учреждением и деятельностью адвокатского бюро, применяются правила ст. 22 данного Федерального закона, если иное не предусмотрено указанной статьей.

В силу положений п. 12 ст. 22 Федерального закона члены коллегии адвокатов не отвечают по ее обязательствам, коллегия адвокатов не отвечает по обязательствам своих членов.

Согласно п. 13 ст. 22 Федерального закона коллегия адвокатов в соответствии с законодательством Российской Федерации является налоговым агентом адвокатов, являющихся ее членами, по доходам, полученным ими в связи с осуществлением адвокатской деятельности, а также их представителем по расчетам с доверителями и третьими лицами и другим вопросам, предусмотренным учредительными документами коллегии адвокатов.

Из пп. 1, 2, 4, 6 ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ следует, что адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Таким образом, закон определяет основные принципы взаимоотношений между адвокатским образованием, адвокатом и доверителем, согласно которым адвокатское образование не является стороной в соглашении об оказании юридической помощи.

Следовательно, ни в силу закона, ни в силу договора солидарная обязанность перед истцом у ответчиков (адвокатского бюро и адвоката З.) по заявленным требованиям наступить не могла.

Определение № 5-КГ15-198

III. Разрешение споров, связанных с семейными отношениями

5. Объект недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского капитала, находится в общей долевой собственности супругов и детей.

В. обратился в суд с иском к Ю. с учетом уточненных требований о разделе в равных долях объекта незавершенного строительства (степень готовности 36%) общей площадью 51,8 кв.м, мотивируя свои требования тем, что состоял с ответчиком в браке, спорное имущество является совместно нажитым.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, иск удовлетворен. За В. признано право собственности на 1/2 доли в праве собственности на объект незавершенного строительства (индивидуальный жилой дом). Право

собственности Ю. на 1/2 доли спорного объекта прекращено.

Как установлено судом, В. и Ю. состояли в браке с 25 августа 2007 г. по 29 августа 2014 г., от брака имеют двоих детей.

Решением суда, вступившим в законную силу, за Ю. признано право собственности на незавершенный строительством индивидуальный жилой дом.

Согласно материалам дела в 2011 и 2012 годах управление пенсионного фонда перечислило Ю. средства материнского (семейного) капитала.

Согласно обязательству от 22 июля 2011 г. Ю., имеющая средства материнского (семейного) капитала, осуществляя строительство жилого дома без привлечения строительной организации с использованием денежных средств материнского (семейного) капитала, обязалась в течение шести месяцев после получения кадастрового паспорта объекта индивидуального жилищного строительства оформить эту недвижимость в общую собственность лица, получившего сертификат, супруга, детей с определением размера долей по соглашению.

Установлено, что в строительство спорного дома были вложены средства материнского капитала, полученные Ю.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции (и с ним согласился суд апелляционной инстанции) исходил из того, что строительство спорного объекта недвижимости производилось во время брака, имущество является совместно нажитым, а поскольку дом не достроен и не введен в эксплуатацию, доли детей не могут быть определены.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в кассационном порядке отменила указанные судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” лица, получившие сертификат, могут распоряжаться средствами материнского (семейного) капитала в полном объеме либо по частям на улучшение жилищных условий.

В п. 1 ч. 1 ст. 10 данного Федерального закона указано, что средства (часть средств) материнского (семейного) капитала в соответствии с заявлением о распоряжении могут направляться на приобретение (строительство) жилого помещения, осуществляемое гражданами посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах (включая участие в жилищных, жилищно-строительных и жилищных накопительных кооперативах), путем безналичного перечисления указанных средств организации, осуществляющей отчуждение (строительство) приобретаемого (строящегося) жилого помещения, либо физическому лицу, осуществляющему отчуждение приобретаемого жилого помещения, либо организации, в том числе кредитной, предоставившей по кредитному договору (договору займа) денежные средства на указанные цели.

В силу ч. 4 ст. 10 названного Федерального закона жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, оформляется в общую собственность родителей, детей (в том числе первого,

второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению.

Таким образом, специально регулирующим соответствующие отношения Федеральным законом определен круг субъектов, в чью собственность поступает жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала, и установлен вид собственности — общая долевая, возникающей у них на приобретенное жилье.

В соответствии со ст.ст. 38, 39 СК РФ разделу между супругами подлежит только общее имущество, нажитое ими во время брака. К нажитому во время брака имуществу (общему имуществу супругов) относятся в том числе полученные каждым из них денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (п. 2 ст. 34 СК РФ).

Между тем, имея специальное целевое назначение, средства материнского (семейного) капитала не являются совместно нажитым имуществом супругов и не могут быть разделены между ними.

Исходя из положений указанных норм права дети должны признаваться участниками долевой собственности на объект недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского капитала.

Таким образом, спорный объект недвижимости подлежит разделу с учетом требований ст.ст. 38, 39 СК РФ и ч. 4 ст. 10 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”.

При таких обстоятельствах вывод судов о том, что имущество является совместно нажитым, а поскольку дом не достроен и не введен в эксплуатацию, то доли детей не могут быть определены, противоречит закону.

Определение № 18-КГ15-224

IV. Разрешение споров, связанных с трудовыми и социальными отношениями

6. Конкурсный управляющий, осуществляя права и обязанности работодателя в период конкурсного производства, вправе увольнять работников организации-должника в порядке и на условиях, которые предусмотрены трудовым законодательством.

А. обратилась в суд с иском к банку о восстановлении на работе, предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, взыскании компенсации морального вреда в размере 50 тыс. рублей.

В обоснование иска заявитель указала, что работала в банке в должности специалиста по работе с залогами управления кредитования, в настоящее время находится в отпуске по уходу за ребенком. Решением арбитражного суда от 21 января 2014 г. банк (ответчик) признан банкротом и открыто конкурсное производство. Функции конкурсного управляющего банком возложены на Государственную корпорацию “Агентство по страхованию вкладов”. Приказом от 2 июня 2014 г. А. уволена с работы в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с ликвидацией организации. Истец полагала увольнение незаконным, поскольку ликвидация юридического лица считается завершенной, а юридическое лицо — прекратившим существование после внесения об этом записи в единый государственный реестр юридических лиц. Вместе с тем определение о завершении конкурсного производства в отношении работодателя арбитражным судом не выно-

силось, из государственного реестра юридических лиц банк не исключен.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, иск удовлетворен частично. А. восстановлена в должности с 3 июня 2014 г., с банка в пользу А. взыскана компенсация морального вреда в размере 2000 руб. В удовлетворении остальной части исковых требований отказано. С банка в доход местного бюджета взыскана государственная пошлина в размере 400 руб. Суд также указал, что решение в части восстановления на работе подлежит немедленному исполнению.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в кассационном порядке признала, что при рассмотрении данного дела судами первой и апелляционной инстанций были допущены существенные нарушения норм материального права, которые выразились в следующем.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случае ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем.

О предстоящем увольнении в связи с ликвидацией организации, сокращением численности или штата работников организации работники предупреждаются работодателем персонально и под роспись не менее чем за два месяца до увольнения (ч. 2 ст. 180 ТК РФ).

Согласно ч. 4 ст. 261 ТК РФ расторжение трудового договора с женщиной, в частности имеющей ребенка в возрасте до трех лет, по инициативе работодателя не допускается (за исключением увольнения по основаниям, предусмотренным пп. 1, 5—8, 10 или 11 ч. 1 ст. 81 или п. 2 ст. 336 данного Кодекса).

В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 “О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации” разъяснено, что основанием для увольнения работников по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ может служить решение о ликвидации юридического лица, т.е. решение о прекращении его деятельности без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам, принятое в установленном законом порядке (ст. 61 ГК РФ).

Ликвидация юридического лица считается завершенной, а юридическое лицо — прекратившим существование после внесения сведений о его прекращении в единый государственный реестр юридических лиц в порядке, установленном законом о государственной регистрации юридических лиц (п. 9 ст. 63 ГК РФ).

Спорные правоотношения в настоящем случае возникли в связи с увольнением с должности специалиста по работе с залогами управления кредитования банка А. по приказу представителя конкурсного управляющего банка от 2 июня 2014 г. по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с ликвидацией организации.

В силу ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 “О банках и банковской деятельности” кредитная организация — юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные Федеральным законом “О банках и банковской деятельности”.

Приказом Банка России от 20 ноября 2013 г. у банка с 20 ноября 2013 г. отозвана лицензия на осуществление банковских операций по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 2 ст. 20 Федерального закона “О банках и банковской деятельности”. В связи с отзывом лицензии осуществление коммерческим банком банковской деятельности прекращено 20 ноября 2013 г.

Согласно ч. 7 ст. 20 Федерального закона “О банках и банковской деятельности” (в редакции, действовавшей на момент отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций) после отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций кредитная организация должна быть ликвидирована в соответствии с требованиями ст. 23¹ этого Федерального закона, а в случае признания ее банкротом — в соответствии с требованиями Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций”.

Особенности оснований и процедур признания кредитных организаций несостоятельными (банкротами) и их ликвидации в порядке конкурсного производства установлены Федеральным законом от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций” (п. 1 ст. 1) (здесь и далее приводятся нормы этого Закона в редакции, действовавшей на момент вынесения арбитражным судом 21 января 2014 г. решения о признании банка несостоятельным (банкротом)).

В силу ст. 50¹ названного Закона дело о банкротстве кредитной организации рассматривается арбитражным судом по правилам, предусмотренным Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций” или в неурегулированных ими случаях Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве)”.

Арбитражный суд, принявший решение о признании кредитной организации банкротом, направляет данное решение в Банк России, а также в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление государственной регистрации юридических лиц, для внесения им в единый государственный реестр юридических лиц записи о том, что кредитная организация находится в процессе ликвидации (п. 9 ст. 50¹⁰ указанного Закона).

В соответствии с п. 2 ст. 20 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” регистрирующий орган вносит в единый государственный реестр юридических лиц запись о том, что юридическое лицо находится в процессе ликвидации.

В силу пп. 1 и 2 ст. 182 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (здесь и далее приводятся нормы Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в редакции, действовавшей на момент вынесения арбитражным судом 21 января 2014 г. решения о признании банка несостоятельным (банкротом)) по результатам рассмотрения заявления о признании кредитной организации банкротом арбитражным судом может быть принято одно из следующих решений: о признании кредитной организации банкротом и об открытии конкурсного производства; об отказе в признании кредитной организации банкротом. В случае принятия арбитражным судом решения о признании кредитной организации банкротом

конкурсное производство проводится в порядке, установленном данным Федеральным законом, с учетом особенностей, предусмотренных Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций”.

Конкурсное производство вводится сроком на один год. Срок конкурсного производства может продлеваться по ходатайству лица, участвующего в деле о банкротстве, не более чем на шесть месяцев (п. 2 ст. 50¹⁶ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций”).

При принятии решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства арбитражный суд утверждает конкурсного управляющего в порядке, предусмотренном ст. 45 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, о чем выносит определение. Конкурсный управляющий действует до даты завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве (ст. 127 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”).

В соответствии с п. 1 ст. 50²¹ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций” конкурсный управляющий осуществляет полномочия руководителя кредитной организации и иных органов управления кредитной организации в пределах, порядке и на условиях, которые установлены данным Федеральным законом.

Согласно подп. 3 п. 3 ст. 50²¹ этого Закона конкурсный управляющий обязан уведомить работников кредитной организации о предстоящем увольнении не позднее одного месяца со дня введения конкурсного производства.

В силу подп. 2 п. 4 ст. 50²¹ Закона конкурсный управляющий вправе увольнять работников кредитной организации, в том числе руководителя кредитной организации, изменять условия трудовых договоров, переводить работников на другую работу в порядке и на условиях, которые установлены федеральным законом.

Из содержания приведенных выше норм законодательства следует, что после отзыва у кредитной организации Банком России лицензии на осуществление банковских операций кредитная организация должна быть ликвидирована. Если ко дню отзыва лицензии на осуществление банковских операций у кредитной организации имеются признаки несостоятельности (банкротства), предусмотренные Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций”, то ликвидация кредитной организации проводится в порядке конкурсного производства, который является длительным по продолжительности процессом, начинающимся с признания решением арбитражного суда кредитной организации банкротом и введения конкурсного производства и завершающимся по окончании конкурсного производства (о чем выносится определение арбитражного суда) внесением сведений о прекращении существования кредитной организации в единый государственный реестр юридических лиц в порядке, установленном законом о государственной регистрации юридических лиц. В период конкурсного производства права и обязанности работодателя осуществляются конкурсным управляющим, который законом наделен правом увольнять работников кредитной организации в порядке и на условиях, которые предусмотрены трудовым законодательством

вом, в том числе по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, в течение всего периода конкурсного производства.

Судом по делу установлено, что банк (ответчик) решением арбитражного суда от 21 января 2014 г. признан несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство сроком на один год. Конкурсным управляющим банка назначена Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов». В единый государственный реестр юридических лиц в соответствии с п. 2 ст. 20 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» внесена запись о том, что банк находится в стадии ликвидации.

При таких обстоятельствах расторжение конкурсным управляющим кредитной организации трудовых договоров с работниками этой организации по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, с соблюдением требований, установленных ст. 178 (выходные пособия) и ст. 180 ТК РФ (гарантии и компенсации работникам при ликвидации организации, сокращении численности или штата работников организации), до вынесения арбитражным судом определения о завершении конкурсного производства является правомерным, поскольку осуществляется конкурсным управляющим в рамках полномочий, предоставленных ему Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций».

Вывод судов первой и апелляционной инстанций о незаконности расторжения с А. трудового договора по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (в связи с ликвидацией организации) со ссылкой на то, что арбитражным судом определено о завершении конкурсного производства в отношении банка (ответчика) ни на момент увольнения истца, ни в период рассмотрения данного спора не вынесено, что ликвидация банка не завершена и банк из единого государственного реестра юридических лиц не исключен, является ошибочным, основанным на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и разъяснений п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2.

Судебными инстанциями не принято во внимание, что незавершение конкурсного производства в отношении кредитной организации и отсутствие в едином государственном реестре юридических лиц сведений о ликвидации кредитной организации не препятствуют конкурсному управляющему увольнять работников кредитной организации по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ с соблюдением требований ст.ст. 178 и 180 ТК РФ.

Таким образом, у ответчика имелось основание для расторжения с А. трудового договора по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с ликвидацией банка, которая осуществлялась в порядке конкурсного производства по решению арбитражного суда, о процессе ликвидации была внесена запись в единый государственный реестр юридических лиц.

Завершения процедуры ликвидации кредитной организации, подтверждаемой внесением в единый государственный реестр юридических лиц сведений о государственной регистрации кредитной организации в связи с ее ликвидацией, для увольнения работника по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ не требуется, в то время как судебные инстанции полагали обратное, т.е. исходили из необходимости наличия факта завершения проце-

дуры ликвидации кредитной организации, что нельзя признать правильным.

С учетом того, что порядок и условия увольнения А. по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с ликвидацией организации ответчиком были соблюдены и такое основание для ее увольнения у ответчика действительно имелось, исковые требования А. о восстановлении на работе в должности специалиста по работе с залогами управления кредитования и о компенсации морального вреда не подлежали удовлетворению.

Судебная коллегия также указала на следующее.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» признан утратившим силу в соответствии со ст. 14 Федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов Российской Федерации».

С 23 декабря 2014 г. порядок и условия осуществления мер по предупредительному несостоятельности (банкротства) кредитных организаций, а также особенности оснований и порядка признания кредитных организаций несостоятельными (банкротами) и их ликвидации в порядке конкурсного производства установлены параграфом 4¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (п. 1 ст. 189⁷ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

В действующей с 23 декабря 2014 г. редакции Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» содержатся аналогичные по содержанию нормам Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» (п. 1, подп. 3 п. 3 и подп. 2 п. 4 ст. 50²¹) нормы, определяющие полномочия, права и обязанности конкурсного управляющего, в частности право осуществлять полномочия руководителя кредитной организации, обязанность уведомить работников кредитной организации о предстоящем увольнении, право увольнять работников кредитной организации, в том числе руководителя кредитной организации, в порядке и на условиях, которые установлены федеральным законом (п. 1, подп. 2 п. 3 и подп. 2 п. 4 ст. 189⁷⁸ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в части удовлетворения исковых требований А. и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении иска А. к банку о восстановлении на работе, взыскании компенсации морального вреда.

Определение № 48-КГ15-10

7. Работодатели, осуществляющие предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, вправе в рамках коллективного договора, локального нормативного акта или в трудовом договоре устанавливать размер, условия и порядок предоставления работникам компенсации расходов на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно, отличные от того, как это предусмотрено для работников организаций, финансируемых из бюджета.

Л. обратился в суд с иском к открытому акционерному обществу «Федеральная пассажир-

ская компания” (далее — ОАО “ФПК”), в котором просил признать незаконным отказ ответчика возместить в полном объеме понесенные расходы на оплату проезда к месту отдыха и обратно, взыскать понесенные расходы на оплату проезда в июне 2014 г. на железнодорожном транспорте от места жительства до места нахождения аэропорта в г. Москве и обратно в размере 6981 руб., компенсацию морального вреда в размере 3000 руб., возместить судебные расходы.

В обоснование своих требований Л. указал следующее. Он работает в структурном подразделении ОАО “ФПК”.

Приказом начальника структурного подразделения ОАО “ФПК” за период работы с 1 апреля 2014 г. по 31 марта 2015 г. Л. был предоставлен ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 28 дней со 2 по 30 июня 2014 г.

Находясь в отпуске, часть которого он провел в Турецкой Республике, Л. от места своего жительства проехал железнодорожным транспортом до г. Москвы и обратно по проездным документам, потратив на их приобретение 6981 руб.

В соответствии с пп. 3.4.1 и 3.4.2 коллективного договора ОАО “ФПК” Л. 3 сентября 2014 г. обратился к работодателю с заявлением о компенсации фактически понесенных им расходов на приобретение железнодорожных билетов от места жительства до ближайшего к месту использования отпуска аэропорта на территории Российской Федерации и обратно.

Понесенные Л. расходы на авиаперелет по территории Российской Федерации были ответчиком компенсированы, однако в возмещении расходов на проезд железнодорожным транспортом от места жительства до г. Москвы и обратно Л. отказано письмом от 4 сентября 2014 г. в связи с отсутствием оснований для компенсации Л. в 2014 году данных расходов в соответствии с положениями локальных нормативных актов ОАО “ФПК”.

Полагая, что работодателем нарушено его право на возмещение в полном объеме расходов на проезд к месту отпуска и обратно, установленное в ст. 325 ТК РФ, Л. просил суд взыскать с ответчика понесенные им расходы на проезд железнодорожным транспортом до аэропорта в г. Москве и обратно в размере 6981 руб., компенсацию морального вреда в размере 3000 руб., возместить судебные расходы.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Л., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что ответчиком нарушено установленное ч. 1 ст. 325 ТК РФ право истца на полное возмещение стоимости проезда один раз в два года за счет средств работодателя к месту использования отпуска и обратно.

При этом суд исходил из того, что п. 3.4.2 коллективного договора ОАО “ФПК” и основанное на нем решение ОАО “ФПК” об оплате Л. только части затрат на проезд к месту использования отпуска и обратно в размере стоимости авиаперелета без оплаты проезда от места жительства до аэропорта железнодорожным транспортом и обратно противоречат требованиям трудового законодательства, так как ухудшают положение работника по сравнению с гарантиями, установленными трудовым законодательством.

С данными выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов пер-

вой и апелляционной инстанций ошибочными, основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 “О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях” устанавливает гарантии и компенсации по возмещению дополнительных материальных и физиологических затрат гражданам в связи с работой и проживанием в экстремальных природно-климатических условиях Крайнего Севера.

В соответствии со ст. 33 данного Закона (в ред. Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 50-ФЗ) компенсация расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно лицам, работающим в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, устанавливается Трудовым кодексом РФ.

В силу ч. 1 ст. 313 ТК РФ государственные гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, устанавливаются данным Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 325 ТК РФ лица, работающие в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, имеют право на оплату один раз в два года за счет средств работодателя стоимости проезда и провоза багажа в пределах территории Российской Федерации к месту использования отпуска и обратно. Право на компенсацию указанных расходов возникает у работника одновременно с правом на получение ежегодного оплачиваемого отпуска за первый год работы в данной организации.

Частью 8 ст. 325 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 50-ФЗ) предусмотрено, что размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в государственных органах субъектов Российской Федерации, государственных учреждениях субъектов Российской Федерации, устанавливаются нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в органах местного самоуправления, муниципальных учреждениях — нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, у других работодателей — коллективными договорами, локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения выборных органов первичных профсоюзных организаций, трудовыми договорами.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в п. 4 Постановления от 9 февраля 2012 г. № 2-П “По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Г. Труновой”, компенсация расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно применительно к гражданам, работающим в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, является дополнительной гарантией реализации ими своего права на ежегодный оплачиваемый отпуск, предоставление которой непосред-

ственно из Конституции Российской Федерации не вытекает.

Вводя правовой механизм, предусматривающий применительно к работодателям, не относящимся к бюджетной сфере, определение размера, условий и порядка компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно в коллективных договорах, локальных нормативных актах, трудовых договорах, федеральный законодатель преследовал цель защитить таких работодателей, на свой риск осуществляющих предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность, от непосильного обременения и одновременно — через институт социального партнерства — гарантировать участие работников и их представителей в принятии соответствующего согласованного решения в одной из указанных правовых форм. Тем самым на основе принципов трудового законодательства, включая сочетание государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, достигается баланс интересов граждан, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и их работодателей. Такое правовое регулирование направлено на учет особенностей правового положения работодателя, не относящегося к бюджетной сфере, и вместе с тем не позволяет ему лишить работников предусмотренной законом гарантии и уклониться от установления компенсации, поскольку предполагает определение ее размера, порядка и условий предоставления при заключении коллективного договора или трудового договора либо в локальном нормативном акте, принятом с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации (п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ).

В правоприменительной практике ч. 8 ст. 325 ТК РФ рассматривается как допускающая установление размера, условий и порядка соответствующей компенсации для лиц, работающих у работодателя, не относящегося к бюджетной сфере, отличное от предусматриваемых для работников организаций, финансируемых из бюджета, что может приводить к различиям в объеме дополнительных гарантий, предоставление которых обусловлено необходимостью обеспечения реализации прав на отдых и на охрану здоровья при работе в неблагоприятных природно-климатических условиях. Между тем такие различия должны быть оправданными, обоснованными и соразмерными конституционно значимым целям. Это означает, что при определении размера, условий и порядка предоставления компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно необходимо обеспечивать их соответствие предназначению данной компенсации как гарантирующей работнику возможность выехать за пределы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей для отдыха и оздоровления (п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ).

Таким образом, из приведенных выше нормативных положений и правовых позиций Конституционного Суда РФ следует, что работодатели, не относящиеся к бюджетной сфере и осуществляющие предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, самостоятельно в рамках коллективного договора, локального нормативного акта или в трудовом договоре с работником устанавливают размер,

условия и порядок предоставления работникам компенсации расходов на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно. В случае достижения соглашения между сторонами трудовых правоотношений о выплате такой компенсации ее объем может быть отличным от того, который установлен в чч. 1—7 ст. 325 ТК РФ, но в то же время учитывающим целевое назначение такой компенсации (максимально способствовать обеспечению выезда работника за пределы неблагоприятной природно-климатической зоны).

В связи с тем, что ОАО «ФПК» не является организацией, финансируемой из федерального бюджета и других бюджетов (регионального и муниципального), отношения, связанные с предоставлением социальных гарантий, компенсаций и льгот работникам ОАО «ФПК», регулируются коллективным договором ОАО «ФПК» на 2013—2014 гг. (далее — коллективный договор), заключенным представителями работодателя и работников данного общества 28 декабря 2012 г., а также иными действующими в данном обществе локальными нормативными актами.

Раздел 3.4 коллективного договора предусматривает ряд социальных гарантий, предоставляемых работникам ОАО «ФПК» и членам их семей.

Так, в соответствии с п. 3.4.1 коллективного договора работникам, находящимся на их иждивении детям в возрасте до 18 лет (не более двух), детям работников, погибших в результате несчастного случая на производстве, до достижения ими возраста 18 лет предоставляется право бесплатного проезда по личным надобностям один раз в год по разовому транспортному требованию в купейном вагоне пассажирских поездов всех категорий от пункта отправления до пункта назначения на территории Российской Федерации и обратно.

Работники также имеют право бесплатного проезда на расстояние 200 км в пригородном сообщении на железнодорожном транспорте общего пользования от места жительства до места работы, учебы и обратно.

При этом порядок предоставления права бесплатного проезда на железнодорожном транспорте общего пользования определяется локальными нормативными актами компании с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации ОАО «ФПК».

В силу п. 3.4.2 коллективного договора (в ред. дополнительного соглашения от 31 марта 2014 г.) работникам структурных подразделений компании, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также находящимся на их иждивении детям в возрасте до 18 лет (не более двух) один раз в два года компенсируется сумма фактически понесенных расходов в размере стоимости авиабилета от ближайшего к пункту проживания аэропорта до ближайшего к месту использования отпуска аэропорта на территории Российской Федерации и обратно, превышающая стоимость проезда железнодорожным транспортом, предусмотренного п. 3.4.1 коллективного договора, в соответствии с локальными нормативными актами компании.

В случае предоставления работникам компенсации стоимости авиабилета право бесплатного проезда на железнодорожном транспорте от пункта проживания до ближайшего к пункту проживания аэропорта им не предоставляется (абз. 2 п. 3.4.2 коллективного договора).

Согласно п. 1.1 Порядка выплаты компенсации работникам ОАО «ФПК», работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и находящимся на их иждивении детям в возрасте до 18 лет (не более двух) при использовании воздушного транспорта (приложение к распоряжению ОАО «ФПК» от 25 июля 2014 г. № 892р; далее — Порядок выплаты компенсации) при использовании в текущем году права бесплатного проезда по личным надобностям по разовому транспортному требованию, предусмотренному п. 3.4.1 коллективного договора, расходы на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно в пределах Российской Федерации воздушным транспортом компенсируются в размере суммы разницы в стоимости авиабилета и проезда в купейном вагоне пассажирских поездов по маршруту, аналогичному указанному в авиабилете, при ее наличии.

Пунктом 1.2 Порядка выплаты компенсации предусмотрено, что при отказе работника в текущем году от права бесплатного проезда по личным надобностям по разовому транспортному требованию, предусмотренному п. 3.4.1 коллективного договора, расходы на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно в пределах Российской Федерации воздушным транспортом компенсируются исходя из стоимости, указанной в авиабилетах, т.е. фактически понесенных расходов.

Таким образом, определенные в коллективном договоре и локальных нормативных актах ОАО «ФПК» порядок и условия выплаты компенсации расходов на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно в совокупности с иными предусмотренными этими актами социальными гарантиями работникам — такими как право бесплатного проезда по личным надобностям один раз в год по разовому требованию в купейном вагоне пассажирских поездов всех категорий от пункта отправления до пункта назначения по территории Российской Федерации — обеспечивают работнику возможность выехать за пределы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей для отдыха и оздоровления.

Ввиду изложенного выводы судебных инстанций о противоречии положений п. 3.4.2 коллективного договора ч. 1 ст. 325 ТК РФ, о несоответствии установленной коллективным договором оплаты работникам ОАО «ФПК» расходов на проезд к месту использования отпуска и обратно (в части ее размера) назначению данной компенсации, о ее неоправданном занижении и необеспечении работнику возможности выезда за пределы неблагоприятной природно-климатической зоны основаны на неправильном толковании норм материального права и действующих в ОАО «ФПК» локальных нормативных актов, регулирующих спорные отношения, а также сделаны без учета правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 9 февраля 2012 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Г. Труновой».

Поскольку, как установлено судом, в июле 2014 г. работодатель компенсировал Л. фактически понесенные расходы на оплату стоимости авиабилета до ближайшего к месту использования отпуска аэропорта на территории Российской Федерации и обратно в порядке, установ-

ленном локальными нормативными актами (пп. 3.4.1, 3.4.2 коллективного договора, пп. 1.1, 1.2 Порядка выплаты компенсации), оснований для компенсации Л. расходов на проезд железнодорожным транспортом от места жительства до аэропорта в г. Москве и обратно не имелось, так как коллективный договор и локальные нормативные акты ОАО «ФПК» такой обязанности работодателя в данном случае не предусматривают, но в то же время определенные в них порядок и условия оплаты проезда работникам ОАО «ФПК» по личным надобностям, в том числе и к месту использования отпуска и обратно для работников структурных подразделений, расположенных в районах Крайнего Севера (пп. 3.4.1, 3.4.2 коллективного договора), в своей совокупности обеспечивали Л. возможность выезда за пределы неблагоприятной природно-климатической зоны.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении заявленных исковых требований Л.

Определение № 8-КГ15-18

8. Вдовы граждан, ставших инвалидами вследствие чернойбыльской катастрофы, не относятся к лицам, имеющим право на получение ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров, предусмотренной п. 13 ч. 1 ст. 14 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной поддержке граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».

М. 15 июня 2014 г. обратилась в суд с иском к органу социальной защиты населения (далее — УСЗН) о признании незаконным отказа в назначении ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров, выскании денежных средств, об обязанности назначить и выплачивать ежемесячную компенсацию, указав в обоснование своих требований на то, что она является вдовой инвалида, умершего в связи с участием в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, получает ежемесячную денежную компенсацию в связи с потерей кормильца.

Судом установлено, что М. является вдовой умершего 16 ноября 2000 г. Г. — инвалида вследствие заболевания, связанного с участием в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (далее — ЧАЭС). Причина смерти Г. связана с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС.

При жизни Г. пользовалась мерами социальной поддержки, предусмотренными Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», в том числе являлась получателем ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования М., суд первой инстанции, руководствуясь положениями ч. 4 ст. 14 названного Закона и п. 1 Правил выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, утвержденным постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 907 «О социальной поддержке граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», исходил из

того, что поскольку супруг М., инвалид вследствие чернобыльской катастрофы, при жизни являлся получателем ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров, то у М. в связи со смертью супруга также возникло право на получение данной меры социальной поддержки. Суд указал на то, что истец как супруга является членом семьи Г. — инвалида I группы, умершего по причине, связанной с участием в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, следовательно, она относится к числу граждан, которым выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров осуществляются в соответствии с названными Правилами с учетом внесенных в них изменений постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2010 г. № 751, вступивших в силу с 12 октября 2010 г.

На основании данного вывода суд признал незаконным отказ ответчика назначить М. ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров. Ссылаясь на п. 6 Правил выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, суд обязал ответчика назначить и выплачивать М. ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров начиная с марта 2014 г., т.е. с месяца, следующего за месяцем подачи ею заявления о назначении данной выплаты.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций о наличии у М. права на получение ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров ошибочными и основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Частью 4 ст. 14 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I (в ред. Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) установлено, что меры социальной поддержки, предусмотренные пп. 2, 3, 7, 8, 12—15 ч. 1 указанной статьи Закона, распространяются на семьи, потерявшие кормильца из числа граждан, погибших в результате катастрофы на ЧАЭС, умерших вследствие лучевой болезни и других заболеваний, возникших в связи с чернобыльской катастрофой, а также на семьи умерших инвалидов, на которых распространялись меры социальной поддержки, указанные в данной статье.

Из содержания приведенной правовой нормы следует, что после смерти инвалида вследствие чернобыльской катастрофы меры социальной поддержки, указанные в ст. 14 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I, распространяются на членов его семьи в том случае, если они распространялись на них и при жизни получателя социальной поддержки.

Согласно п. 13 ч. 1 ст. 14 Закона гражданам, указанным в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 13 этого Закона (граждане, получившие или перенесшие лучевую болезнь и другие заболевания, связанные с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы или с работами по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, и инвалиды вследствие чернобыльской катастрофы из числа названных в п. 2 ч. 13 ст. 14 Закона), гарантирует-

ся ежемесячная денежная компенсация им, а также проживающим с ними детям, не достигшим 14-летнего возраста, на приобретение продовольственных товаров в размере 300 руб.

В данной норме Закона определен конкретный круг лиц, имеющих право на ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров: сами граждане, подвергшиеся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС (среди них инвалиды вследствие чернобыльской катастрофы), и не достигшие 14-летнего возраста дети, проживающие с ними. Другие члены семьи указанных граждан не названы в качестве субъектов, имеющих право на такую компенсацию.

В спорных правоотношениях, установленных судом по делу, М. имеет статус вдовы инвалида I группы, умершего по причине, связанной с участием в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС.

Поскольку право на получение ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров, предусмотренной п. 13 ч. 1 ст. 14 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I, не распространялось на жен инвалидов, получивших заболевание вследствие чернобыльской катастрофы, при их жизни, соответственно, оно не распространяется на них и после смерти инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы.

Между тем судами первой и апелляционной инстанций неправильно истолкованы подлежащие применению к спорным отношениям положения ст. 14 указанного Закона и, как следствие, дана ошибочная оценка, как незаконного, отказа ответчика назначить М. денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров.

Неправильно истолкованы судами первой и апелляционной инстанций и положения п. 1 Правил выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Статьей 4 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I установлено, что меры социальной поддержки, предусмотренные Законом, предоставляются в порядке, установленном Правительством РФ.

В целях реализации названного Закона было принято постановление Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 907 “О социальной поддержке граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”, которым утверждены в том числе Правила выплаты ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС (“Правила предоставления ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” — наименование в редакции постановления Правительства РФ от 4 марта 2015 г. № 190; далее также — Правила).

В п. 1 Правил перечислены лица, которым выплачивается ежемесячная денежная компенсация на приобретение продовольственных товаров (далее также — компенсация). Жены и вдовы инвалидов, получивших заболевание вследствие чернобыльской катастрофы, в их числе не указаны.

С учетом того, что в соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 14 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I ежеме-

сячная денежная компенсация на приобретение продовольственных товаров выплачивается гражданам, указанным в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 13 данного Закона, а также детям этих граждан, проживающим с ними и не достигшим 14-летнего возраста, в целях соблюдения прав детей на компенсацию после смерти кормильца из числа указанных граждан постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2010 г. № 751 в п. 1 Правил были внесены соответствующие изменения, касающиеся выплаты компенсации семьям умерших инвалидов, на которых распространялись меры социальной поддержки, указанные в ст. 14 Закона.

При этом постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2010 г. № 751 круг лиц, имеющих право на ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров, по сравнению с п. 13 ч. 1 ст. 14 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I не расширился, как полагали суды первой и апелляционной инстанций при разрешении спора. Изменениями, внесенными данным постановлением в п. 2 Правил, дополняющими перечень документов, на основании которых назначается ежемесячная денежная компенсация на приобретение продовольственных товаров, не предусмотрено представление членами семьи умершего кормильца (а именно вдовой (вдовцом)) заверенной копии свидетельства о браке, что являлось бы подтверждением того, что компенсация выплачивается в том числе и вдовам (вдовцам) граждан, перечисленных в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 13 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I.

Ввиду приведенных обстоятельств вывод судебных инстанций о признании за М. права на получение ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров как за супругой инвалида, умершего по причине, связанной с участием в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, Судебная коллегия признала основанным на неправильном толковании и применении норм материального права к спорным отношениям.

В силу положений п. 13 ч. 1 и ч. 4 ст. 14 Закона РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-I правовых оснований для признания за истцом права на ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров не имелось, соответственно искивые требования не подлежали удовлетворению.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и приняла новое решение — об отказе в удовлетворении заявленных искивых требований.

Определение № 5-КГ15-125

V. Процессуальные вопросы

9. Недоказанность размера имущественного вреда не является основанием для отказа в применении к причинителю вреда мер гражданско-правовой ответственности.

М. обратилась в суд с иском к Ф. о возмещении ущерба, причиненного залитом квартиры, компенсации морального вреда, указав, что залив ее квартиры произошел по причине самовольно произведенной ответчиком перепланировки инженерных коммуникаций в принадлежащей ей и его супруге на праве собственности квартире.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении искивых требований, суд исходил из того, что истец в нарушение требований ст. 56 ГПК РФ не представила доказательств размера причиненно-

го ей ущерба, а материалы дела не позволяют установить размер ущерба, поскольку фактическое изложение в тексте иска таблицы видов работ с указанием их объема, стоимости и стоимости материалов не является надлежащим доказательством причинения ущерба и его размера имуществу истца, не соответствует ст. 55 ГПК РФ и не может являться допустимым доказательством, подтверждающим причинение и размер ущерба, иных доказательств истцом представлено не было.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, оставив решение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в кассационном порядке признала выводы суда ошибочными по следующим основаниям.

Согласно ст. 2 ГПК РФ задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду.

В соответствии со ст. 194 ГПК РФ решением является постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу.

В силу ч. 1 ст. 195 ГПК РФ решение должно быть законным и обоснованным.

Как разъяснено в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении”, решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (ч. 1 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ).

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. ст. 55, 59—61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов (п. 3 постановления Пленума).

В силу ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Как предусмотрено п. 1 ст. 1064 ГК РФ, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью

достоверности. По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

При таких обстоятельствах обязанностью суда, предусмотренной действующим законодательством, было выяснение действительных обстоятельств дела, а именно, установление факта залива и лица, виновного в произошедшем заливе, факта причинения вреда имуществу истца и его оценки в материальном выражении, однако суд от данной обязанности уклонился.

В обоснование своих требований истцом представлен акт жилищной организации с описанием выявленных на месте повреждений, причиненных заливом, суд также наделен иными процессуальными возможностями, которые позволяли ему достоверно установить размер причиненных убытков, однако в нарушение действующего законодательства суд первой инстанции такими возможностями не воспользовался.

При этом обязанность по возмещению причиненного вреда и случаи, в которых возможно освобождение от такой обязанности, предусмотрены законом. Недоказанность размера причиненного ущерба к основаниям, позволяющим не возлагать гражданско-правовую ответственность на причинителя вреда, действующим законодательством не отнесена.

Суд апелляционной инстанции не исправил ошибки, допущенные при рассмотрении дела нижестоящим судом.

Допущенные судом апелляционной инстанции, проверявшим законность решения суда первой инстанции, нарушения норм права являются существенными и непреодолимыми, в связи с чем могут быть исправлены только посредством отмены апелляционного определения.

Учитывая, что повторное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции предполагает проверку и оценку фактических обстоятельств дела и их юридическую квалификацию в пределах доводов апелляционных жалобы, представления и в рамках тех требований, которые уже были предметом рассмотрения в суде первой инстанции (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”), а также принимаемая во внимание необходимость соблюдения разумных сроков судопроизводства (ст. 6¹ ГПК РФ), Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменив апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда, направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 46-КГ15-34

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

I. Практика применения положений законодательства о банкротстве

1. При наличии доказательств, свидетельствующих о существовании причинно-следственной связи между действиями контролирующего лица и банкротством

подконтрольной организации, контролирующее лицо несет бремя доказывания обоснованности и разумности своих действий и их совершения без цели причинения вреда кредиторам подконтрольной организации.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества (далее также — должник) конкурсный управляющий обратился с заявлением о привлечении солидарно к субсидиарной ответственности компании, являющейся учредителем и единственным участником общества (далее также — контролирующее лицо), и его бывшего руководителя.

Конкурсный управляющий обосновывал свои требования в том числе тем, что по материалам налоговой проверки общества поступавшие ему от реализации продукции денежные средства перечислялись по цепочке расчетных счетов третьих лиц и спустя непродолжительное время аккумулировались на расчетных счетах компании. По мнению заявителя, такое движение денежных средств не было связано с реальными хозяйственными операциями и направлено на вывод активов должника в пользу контролирующего лица. Кроме того, компания изъяла у общества имущество производственного назначения, что повлекло невозможность осуществления последним основной хозяйственной деятельности.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, удовлетворены требования к бывшему руководителю и отказано в удовлетворении требований к компании.

Суды пришли к выводу, что неплатежеспособность общества наступила по вине руководителя. Суды, сославшись на положения п. 4 ст. 10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” в редакции, действующей до изменений, внесенных Федеральным законом от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ, указали на отсутствие доказательств совершения компанией как участником общества действий, определяющих порядок ведения им деятельности, прямо или косвенно направленных на доведение его до банкротства, поскольку признаки банкротства возникли у должника до совершения компанией указанных в заявлении действий.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты в части отказа в удовлетворении требований к компании и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Из системного толкования абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ, п. 3 ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью” и п. 4 ст. 10 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” необходимым условием возложения субсидиарной ответственности на участника является наличие причинно-следственной связи между использованием им своих прав и (или) возможностей в отношении контролируемого хозяйствующего субъекта и совокупностью юридически значимых действий, совершенных подконтрольной организацией, результатом которых стала ее несостоятельность (банкротство).

Совершение компанией указанных действий по перечислению выручки и отчуждению производственных объектов общества вызывают объективные сомнения в том, что компания руководствовалась интересами дочернего общества.

При названных обстоятельствах в силу ст. 65 АПК РФ на компанию перешло бремя доказывания того, что возникновение у нее права собственности по указанным конкурсным управляющим операциям явилось следствием обычного хозяйственного оборота, а не вызвано использованием участником его возможностей, касающихся определения действий общества, во вред кредиторам должника.

Именно компания как сторона договорных и внедоговорных отношений имела возможность раскрыть информацию по меньшей мере о сделках, связанных с перечислением денежных средств на принадлежащие ей счета со стороны ее контрагентов, подтвердив реальный характер операций и их экономическую обоснованность. Кроме этого, у компании не имелось объективных препятствий для представления сведений об истинных причинах отчуждения имущества общества.

Суды не дали оценку поведению компании и в нарушение требований ч. 2 ст. 9 АПК РФ возложили на кредиторов общества негативные последствия несовершения контролирующим лицом процессуальных действий по представлению доказательств.

Кроме того, разрешая вопрос о том, явилось ли банкротство общества следствием поведения его участника, суды не учли положения ст. 2 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, ошибочно отождествив понятия “неплатежеспособность” и “банкротство”. Момент возникновения признаков неплатежеспособности хозяйствующего субъекта может не совпадать с моментом его фактической несостоятельности (банкротства).

Субсидиарная ответственность участника наступает тогда, когда в результате его поведения должнику не просто причинен имущественный вред, а он стал банкротом, т.е. лицом, которое не может удовлетворить требования кредиторов и исполнить публичные обязанности вследствие значительного уменьшения объема своих активов под влиянием контролирующего лица.

В связи с этим судам следовало проверить доводы конкурсного управляющего о том, что на фоне недостаточности денежных средств у общества (появления первых признаков неплатежеспособности) действия компании по изъятию выручки и имущества, используемого в производственных целях, усугубили и без того затруднительное финансовое состояние должника, что привело к банкротству, которое в такой ситуации стало неизбежным.

Определение № 302-ЭС14-1472

2. В силу п. 2 ст. 10 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” презюмируется наличие причинно-следственной связи между противоправным и виновным бездействием руководителя организации в виде неподачи заявления о признании должника банкротом и вредом, причиненным кредиторам организации из-за невозможности удовлетворения возросшей перед ними задолженности.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества налоговый орган обратился в суд с заявлением о привлечении на основании п. 2 ст. 10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” бывшего руководителя должника к субсидиарной ответственности по непогашенным должником обязательным платежам.

Заявитель ссылался на то, что в период, в который образовалась недоимка, общество отвеча-

ло признакам неплатежеспособности и недостаточности имущества, поэтому руководитель должен был подать в суд заявление о признании общества несостоятельным (банкротом). Эта обязанность не была им исполнена. Дело о банкротстве общества возбуждено через год по заявлению конкурсного кредитора.

Удовлетворяя требование уполномоченного органа о привлечении руководителя к субсидиарной ответственности, суды первой и апелляционной инстанций признали его бездействие неправомерным.

Отменяя судебные акты нижестоящих судов, арбитражный суд округа указал на то, что возникновение обязанности общества по уплате обязательных платежей не обусловлено противоправным бездействием руководителя, выразившемся в неподаче в арбитражный суд в срок до заявления о признании общества банкротом, а вызвано объективными обстоятельствами — наличием налогооблагаемой базы по налогу на добавленную стоимость (операций по реализации товаров (работ, услуг) и объекта обложения страховыми взносами (выплат в пользу работников общества в рамках трудовых отношений)). В связи с этим арбитражный суд округа пришел к выводу об отсутствии причинно-следственной связи между допущенным руководителем нарушением (его неправомерным бездействием) и негативными последствиями в виде неперечисления должником в бюджет и государственные внебюджетные фонды обязательных платежей.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Исходя из положений ст. 10 ГК РФ руководитель хозяйственного общества обязан действовать добросовестно не только по отношению к возглавляемому им юридическому лицу, но и по отношению к такой группе лиц, как кредиторы. Он должен учитывать права и законные интересы последних, содействовать им в том числе в получении необходимой информации.

Применительно к гражданским договорным отношениям невыполнение руководителем требований Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” об обращении в арбитражный суд с заявлением должника о банкротстве свидетельствует о недобросовестном сокрытии от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении юридического лица.

Подобное поведение руководителя влечет за собой принятие несостоятельным должником дополнительных долговых реестровых обязательств в ситуации, когда не могут быть исполнены существующие, заведомую невозможность удовлетворения требований новых кредиторов, от которых были скрыты действительные факты, и, как следствие, возникновение убытков на стороне этих новых кредиторов, введенных в заблуждение в момент предоставления должнику информации.

Хотя предпринимательская деятельность не гарантирует получение результата от ее осуществления в виде прибыли, тем не менее она предполагает защиту от рисков, связанных с неправомерными действиями (бездействием), нарушающими нормальный (сложившийся) режим хозяйствования.

Одним из правовых механизмов, обеспечивающих защиту кредиторов, не осведомленных

по вине руководителя должника о возникшей существенной диспропорции между объемом обязательств должника и размером его активов, является возложение на такого руководителя субсидиарной ответственности по новым гражданским обязательствам при недостаточности конкурсной массы.

При этом из содержания п. 2 ст. 10 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” следует, что предусмотренная этой нормой субсидиарная ответственность руководителя распространяется в равной мере как на денежные обязательства, возникающие из гражданских правоотношений, так и на обязанности по уплате обязательных платежей.

Момент подачи заявления о банкротстве должника имеет существенное значение и для разрешения вопроса об очередности удовлетворения публичных обязательств. Так, при должном поведении руководителя, своевременно обратившегося с заявлением о банкротстве возглавляемой им организации, вновь возникшие фискальные обязательства погашаются приоритетно в режиме текущих платежей, а при неправомерном бездействии руководителя те же самые обязательства погашаются в общем режиме удовлетворения реестровых требований (п. 1 ст. 5, ст. 134 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”).

Таким образом, не соответствующее принципу добросовестности бездействие руководителя, уклоняющегося от исполнения возложенной на него указанным Законом обязанности по подаче заявления должника о собственном банкротстве (о переходе к осуществляемой под контролем суда ликвидационной процедуре), является противоправным, виновным, влечет за собой имущественные потери на стороне кредиторов и публично-правовых образований, нарушает как частные интересы субъектов гражданских правоотношений, так и публичные интересы государства. Исходя из этого законодатель в п. 2 ст. 10 указанного Федерального закона презюмировал наличие причинно-следственной связи между неподачей руководителем должника заявления о банкротстве и негативными последствиями для кредиторов и уполномоченного органа в виде невозможности удовлетворения возросшей задолженности.

В предмет доказывания по спорам о привлечении руководителей к ответственности, предусмотренной п. 2 ст. 10 названного Федерального закона, входит установление следующих обстоятельств:

возникновение одного из условий, перечисленных в п. 1 ст. 9 этого Закона;

момент возникновения данного условия;

факт неподачи руководителем в суд заявления о банкротстве должника в течение месяца со дня возникновения соответствующего условия;

объем обязательств должника, возникших после истечения месячного срока, предусмотренного п. 2 ст. 9 Закона.

При исследовании совокупности указанных обстоятельств следует учитывать, что обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, упомянутых в п. 1 ст. 9 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”.

Следовательно, у арбитражного суда округа отсутствовали основания для освобождения руководителя от ответственности по приведенным этим судом мотивам.

Поскольку судами первой и апелляционной инстанций неверно определен момент возникновения обязанности по уплате обязательных платежей, дело было направлено на новое рассмотрение.

Определение № 309-ЭС15-16713

3. Мировое соглашение, в том числе утвержденное в рамках предыдущего дела о банкротстве должника, может быть обжаловано лицами, участвующими в деле о банкротстве, третьими лицами, участвующими в мировом соглашении, а также иными лицами, права и законные интересы которых нарушены или могут быть нарушены этим мировым соглашением.

Определением суда первой инстанции принято заявление общества о признании его банкротом, возбуждено производство по делу.

На стадии рассмотрения обоснованности заявления определением суда утверждено заключенное обществом и компанией мировое соглашение, по условиям которого произведен взаимозачет задолженностей сторон, производство по делу прекращено.

Впоследствии в отношении должника вновь возбуждено дело о банкротстве, проведена процедура наблюдения, затем открыто конкурсное производство.

Считая, что мировое соглашение нарушает права и законные интересы должника и конкурсных кредиторов, конкурсный управляющий обратил с кассационной жалобой на определение суда, которым было утверждено указанное мировое соглашение, ходатайствуя о восстановлении пропущенного процессуального срока.

Определением арбитражного суда округа производство по кассационной жалобе прекращено. Суд пришел к выводу, что заявитель не обладает правом на обжалование мирового соглашения, утвержденного в рамках предыдущего дела о банкротстве должника.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила определение арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 162 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” по жалобе лиц, участвующих в деле о банкротстве, третьих лиц, участвующих в мировом соглашении, а также иных лиц, права и законные интересы которых нарушены или могут быть нарушены мировым соглашением, определение об утверждении мирового соглашения может быть обжаловано в порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом РФ.

В п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 “О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” дано разъяснение о праве конкурсных кредиторов или уполномоченных органов, а также арбитражных управляющих обжаловать определение об утверждении мирового соглашения, заключенного по другому делу в исковом процессе.

При этом указанное разъяснение не ограничивает право названных лиц на обжалование определения об утверждении мирового соглашения в рамках предыдущего дела о банкротстве того же должника, а, напротив, расширяет объем их процессуальных возможностей.

Иной подход в рассматриваемом случае (прекращение обязательств посредством взаимозачета) может привести к преимущественному удовлетворению требований одного из кредиторов несостоятельного должника перед другими возможными кредиторами и иными заинтересованными лицами, что противоречит положениям Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”.

Обращаясь с жалобой в арбитражный суд округа, заявитель представлял доказательства наличия иных требований к должнику (судебные акты, подтверждающие наличие задолженности, реестр требований кредиторов), не предъявленные последнему по объективным причинам, поскольку мировое соглашение утверждено до введения в отношении должника процедуры банкротства.

В такой ситуации прекращение производства по жалобе лишает заявителя возможности защитить права и законные интересы участвующих в деле о банкротстве должника лиц, которые нарушены или могут быть нарушены условиями утвержденного судом мирового соглашения, что недопустимо.

Определение № 305-ЭС15-12792

4. Правом на заявление разногласия относительно порядка и условий проведения торгов по реализации предмета залога наделены собрание и комитет кредиторов, волеизъявление которых формируется путем принятия коллегиального решения.

Противоречие конкурсной документации может быть устранено путем толкования применительно к положениям ст. 431 ГК РФ, а не посредством внесения в нее изменений.

В рамках дела о банкротстве общества банк, являясь залоговым кредитором, согласно абз. 3 п. 4 ст. 138 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) определил в соответствующем положении порядок, условия и срок реализации заложенного имущества.

Председатель комитета кредиторов должника обратился в суд с заявлением об урегулировании разногласий по вопросам о порядке и условиях проведения торгов по реализации заложенного имущества, ссылаясь на то, что пункты положения не корреспондируют друг с другом, создают неопределенность относительно условий проведения торгов и тем самым ограничивают доступ к торгам потенциальных покупателей, так как в одном из них было указано, что имущество на торги выставляется “лотами”, во втором же речь шла о продаже “предприятия”.

Отказывая в удовлетворении требования, суд первой инстанции, выводы которого поддержал апелляционный суд, исходил из того, что первые и повторные торги уже проведены в соответствии с утвержденным положением. Доказательств, свидетельствующих о неопределенности условий положения и негативном влиянии оспариваемого пункта на реализацию заложенного имущества, не приведено.

При этом судами отклонены доводы банка о необходимости оставлять заявление председателя комитета кредиторов без рассмотрения применительно к ст. 148 АПК РФ. Данный вывод судов обоснован ссылками на ст.ст. 2 и 35 Закона о банкротстве, а также на разъяснения п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 “О некоторых про-

цессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве”.

Отменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций и удовлетворяя заявленное требование, арбитражный суд округа счел доводы председателя комитета кредиторов обоснованными, указав на то, что необходимость внесения изменений в оспариваемый пункт положения в редакции, предложенной залоговым кредитором, впоследствии признана самим банком и конкурсным управляющим должником.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно абз. 3 п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве правом на передачу разногласий относительно порядка и условий проведения торгов по реализации предмета залога обладают конкурсный управляющий и конкурсный кредитор, чьи требования обеспечены залогом.

Названное положение Закона не исключает права иных лиц, участвующих в деле о банкротстве, на заявление возражений относительно порядка и условий проведения торгов по продаже заложенного имущества (абз. 5 п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 58 “О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя”).

В предусмотренном ст. 34 Закона о банкротстве перечне лиц, участвующих в деле о банкротстве, председатель или представитель комитета кредиторов должника прямо не поименованы.

Однако по смыслу ст.ст. 12 и 17 Закона о банкротстве соответствующими правами наделены как собрание, так и комитет кредиторов должника, поскольку предполагается, что они действуют в интересах конкурсных кредиторов.

При этом необходимо учитывать, что волеизъявление комитета кредиторов формируется путем принятия коллегиального решения (пп. 5, 6 ст. 17 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае с заявлением об урегулировании разногласий председатель комитета кредиторов обратился в отсутствие надлежащим образом оформленного решения комитета кредиторов.

Вместе с тем, как следует из имеющихся в материалах обособленного спора пояснений конкурсного управляющего должником, последний заявление председателя комитета кредиторов поддерживает. В связи с этим основания для оставления требования без рассмотрения отсутствуют.

Приведенное противоречие конкурсной документации подлежало устранению путем толкования применительно к положениям ст. 431 ГК РФ, а не посредством внесения изменений в положение.

Так, помимо одного из пунктов положения указание на продажу имущества “лотами” содержалось в других пунктах. Кроме того, в положении была сделана ссылка на приложение, где указан конкретный перечень имущества, сформированного в 196 лотов.

Таким образом, для любого разумного участника гражданского оборота очевидно, что на продажу выставляется не предприятие как единый имущественный комплекс, а индивидуализированное имущество в лотах, в связи с чем вы-

вод арбитражного суда округа о наличии неопределенности в конкурсной документации нельзя признать обоснованным.

Напротив, принятое арбитражным судом округа постановление неосновательно предоставляет заинтересованным лицам право на оспаривание торгов, ведет к затягиванию процедуры банкротства, увеличивает текущие расходы, что не соответствует целям конкурсного производства.

Определение № 302-ЭС15-3926

II. Разрешение споров, связанных с недействительностью сделок

5. Крупная сделка хозяйственного общества, совершенная без согласия единственного участника на основании подложных документов, не может быть признана ничтожной на основании ст. 169 ГК РФ, как совершенная с целью, противной основам правопорядка и нравственности.

Банком (кредитором) и предпринимателем (заемщиком) заключен договор об открытии кредитной линии.

В целях обеспечения исполнения обязательств по этому договору банк (залогодержатель) и общество (залогодатель) заключили договор ипотеки недвижимого имущества.

Вступившим в законную силу судебным актом по другому делу удовлетворены требования банка о взыскании задолженности с предпринимателя по кредитному договору и обращении взыскания на заложенное имущество, принадлежащее обществу. В удовлетворении встречного иска общества и его участника к банку о признании недействительным договора ипотеки как крупной сделки, совершенной без согласия единственного участника, отказано.

По приговору суда директор общества признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ.

Ссылаясь на то, что согласно приговору суда установлены обстоятельства представления директором общества в банк заведомо подложного решения об одобрении договора ипотеки с поддельной подписью единственного участника общества, последний обратился в суд с иском о признании этих договоров ничтожными сделками, совершенными с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Суды исходили из того, что преступными действиями директора обществу и его единственному участнику причинен имущественный вред, что противоречит нормам морали и обычаям делового оборота. Суды указали, что данные действия единоличного исполнительного органа не могут быть оценены как формирующие волю общества на передачу недвижимого имущества в залог банку.

При этом судами отклонен довод банка о его добросовестности и неосведомленности о факте подложности решений единственного участника. Суды отметили, что с учетом совершения сделок с целью, противной основам правопорядка и нравственности, оснований для признания интересов банка более приоритетными по сравнению с интересами истца не имеется.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные су-

дебные акты и отказала в удовлетворении исковых требований по следующим основаниям.

В рамках другого дела по иску банка о взыскании кредитной задолженности и обращении взыскания на заложенное имущество обществом и участником был предъявлен встречный иск о признании недействительными договоров ипотеки как крупных сделок, совершенных без одобрения (ст. 46 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью”). По итогам рассмотрения встречного иска в его удовлетворении было отказано.

Обращаясь в суд с иском по настоящему делу и основывая свои требования на положениях ст. 169 ГК РФ, участник общества, по сути, ссылается на те же обстоятельства, что и в рамках первого дела, — отсутствие одобрения договоров ипотеки. Его позиция дополнена лишь ссылкой на приговор как доказательство подложности решений единственного участника.

Предъявляя настоящий иск, участник должен был доказать наличие у сторон (либо у одной из сторон) договоров ипотеки при их заключении цели, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, т.е. не просто цели на заключение сделки, не соответствующей требованиям закона или иных правовых актов, а нарушающей основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои (п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”).

По мнению участника, о такой цели свидетельствуют преступные действия директора общества по подделке решений единственного участника.

В то же время, поскольку в предмет доказывания по настоящему делу входили обстоятельства, указывающие на ничтожность договоров ипотеки, а не решений об их одобрении, участник должен был доказать, что заключением соответствующих соглашений общество и/или банк преследовали соответствующие асоциальные цели.

Само по себе обременение имущества ипотекой (даже направленное на обеспечение исполнения обязательств третьих лиц в отсутствие для залогодателя экономической целесообразности) не свидетельствует о наличии у одной из сторон сделки цели, заведомо противной основам правопорядка или нравственности. Напротив, договор ипотеки является одной из наиболее распространенных договорных конструкций, регулярно применяемых участниками гражданского оборота, так как залог во многом направлен на развитие кредитных отношений, которые являются одной из необходимых предпосылок экономического роста. Следовательно, заключение залоговых соглашений указывает на наличие у сторон целей, соответствующих как основам правопорядка, так и экономической политике государства.

Кроме того, нарушение прав конкретного лица хоть и является противозаконным, вместе с тем еще не свидетельствует о наличии у правонарушителя асоциальной цели по смыслу ст. 169 ГК РФ, равно как не свидетельствует о наличии такой цели само по себе нарушение конкретной нормы права.

При рассмотрении настоящего дела суды фактически противопоставили интересы собственника, передавшего свое имущество в залог, интересам добросовестного кредитора, надлежавшим образом исполнившего обязанность по проверке полномочий органа управления контрагента на подписание договоров ипотеки, отдав приоритет первому из них.

При этом суды не приняли во внимание, что российский правопорядок базируется также на необходимости защиты прав добросовестных лиц и поддержании стабильности гражданского оборота, что в числе прочего подразумевает направленность правового регулирования и правоприменительной практики на сохранение юридической силы заключенных сделок.

Поэтому приоритет в рассматриваемом случае необходимо было отдать банку как лицу добросовестному, положившемуся на представленный генеральным директором, сведения о котором имелись в ЕГРЮЛ, комплект документов.

Ссылка истца на то, что банк, проявляя требующуюся от него по условиям оборота заботливость и осмотрительность, должен был проверить подлинность подписей на решениях об одобрении крупных сделок, обратившись к участнику лично, отклонена судом.

Истец является единственным участником общества. Указанное означает, что состав органов управления формируется им не в результате достижения компромисса с интересами иных держателей прав участия, а посредством единоличного принятия решения. Таким образом, для любого разумного участника оборота очевидно, что лицо, назначаемое на должность генерального директора, пользуется личным доверием единственного участника. Из этого следует, что действия в ущерб интересам банка, направленные на аннулирование выданного таким директором залога, свидетельствуют о попытке истца переложить негативные последствия осуществленного им неправильного выбора менеджера на третье лицо, что не согласуется с принципом добросовестности (ст.ст. 1 и 10 ГК РФ).

Определение № 308-ЭС15-18008

III. Право собственности и другие вещные права

6. В случае когда объект создан исключительно в целях улучшения качества и обслуживания земельного участка и не обладает самостоятельным функциональным назначением, он является неотъемлемой частью земельного участка и не может быть признан объектом недвижимости, права на который подлежат государственной регистрации.

Правом на подачу иска о признании отсутствующим права собственности на такой объект обладает в том числе арендатор земельного участка.

На основании договора аренды, заключенного с собственниками долей в праве общей собственности, с 2008 года общество является арендатором земельных участков сельскохозяйственного назначения.

В 2013 году в ЕГРП внесена запись о праве собственности Российской Федерации на сооружение (инженерную рисовую систему), расположенное в границах арендуемых обществом земельных участков.

Ссылаясь на то, что регистрация права собственности на это сооружение как самостоятельный объект недвижимости не соответствует закону и нарушает права общества, последнее обратилось в суд с иском о признании отсутствующим

у Российской Федерации права собственности на данный объект.

Удовлетворяя указанное требование, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что использование инженерной рисовой системы в отрыве от производства риса невозможно, система предназначена для улучшения поверхностного слоя почвы, иного хозяйственного назначения не имеет. Эта система не обладает самостоятельным функциональным назначением, создана исключительно в целях улучшения качества и обслуживания земельных участков, на которых она расположена, поэтому является их неотъемлемой частью и в силу ст. 135 ГК РФ должна следовать судьбе этих земельных участков. Государственная регистрация права собственности на спорную систему за другими лицами и возможность распоряжения ею этими лицами нарушает права общества по ее использованию как части арендуемого земельного участка.

Отменяя решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказывая в удовлетворении заявленного требования, арбитражный суд округа пришел к выводу, что согласно положениям постановления Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 и Федерального закона от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ “О мелиорации земель” спорный объект может находиться исключительно в федеральной собственности. Суд также отметил, что общество как арендатор лишено интереса в признании права собственности Российской Федерации на спорный объект отсутствующим.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции исходя из следующего.

Арбитражный суд округа не учел, что основанием заявленного по делу иска является отсутствие у спорного объекта признаков недвижимости, в связи с чем при подтверждении обстоятельств, на которых был основан иск, суды правомерно применили п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав” и удовлетворили требование истца в целях исключения оспариваемой записи из ЕГРП.

Кроме того, земельные участки, в границах которых располагается инженерная рисовая система, находятся в собственности физических лиц (собственников земельных долей), были приватизированы ими до принятия Федерального закона “О мелиорации земель”. Земельные участки были переданы вместе с существующей на тот период времени инженерной рисовой системой и поэтому следуют их судьбе.

Учитывая наличие зарегистрированных в установленном законом порядке права собственности общей долевой собственности физических лиц, а также права аренды общества на земельные участки, на которых расположена инженерная рисовая система, регистрация права федеральной собственности была осуществлена минуя механизм истребования объекта из фактического владения других лиц.

Сохранение оспариваемой регистрации права собственности одного лица на спорный объект как недвижимую вещь, расположенную на зе-

мельном участке, имеющую другого собственника, нарушает принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (ст. 1 ЗК РФ), разрывает общий правовой режим этих объектов и делает невозможным их надлежащее использование.

Судебная коллегия также отметила, что, поскольку иск о признании права собственности отсутствующим относится к негативному требованию, правом на подачу в соответствии со ст.ст. 304, 305 ГК РФ такого иска обладает также арендатор имущества, права владения и пользования которого нарушаются оспариваемой регистрацией права собственности публичного образования.

Определение № 308-ЭС15-15218

7. Если застройщик по договору долевого участия в строительстве здания, состоящего из нежилых помещений, одновременно является собственником земельного участка, на котором осуществлялось строительство, с переходом права собственности на нежилое помещение к участнику долевого строительства переходит также право долевой собственности на земельный участок.

Предприниматель (участник долевого строительства) и общество (застройщик) заключили договор долевого участия в строительстве здания административно-торгового назначения. Общество одновременно являлось собственником земельного участка, на котором осуществлялось строительство. В соответствии с условиями договора к общему имуществу здания стороны отнесли земельный участок, подлежащий передаче в общую долевую собственность дольщикам — собственникам помещений, расположенных в здании, наряду с другими объектами общего имущества.

Во исполнение условий договора и на основании акта приема-передачи общество передало предпринимателю в собственность нежилое помещение и долю в праве собственности на общее имущество. Право собственности предпринимателя на помещение было зарегистрировано в установленном порядке.

Предприниматель обратился в регистрирующий орган с заявлением о регистрации права долевой собственности на спорный земельный участок.

Регистрирующий орган, отказывая в государственной регистрации, указал на то, что законом не предусмотрен переход земельного участка в общую долевую собственность собственников помещений в нежилом здании.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании этого отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление предпринимателя было удовлетворено. Суды применили по аналогии положения ст. 36 ЖК РФ и исходили из того, что право долевой собственности предпринимателя на земельный участок возникло в силу закона, поскольку он является собственником помещения в здании, расположенном на этом участке.

Отменяя решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказывая в удовлетворении заявления, арбитражный суд округа указал на то, что договор на участие в долевом строительстве и акт приема-передачи не являются основанием для регистрации права общей долевой собственности на зе-

мельный участок. Суд также отметил, что положения ст. 36 ЖК РФ не подлежат применению к спорным правоотношениям.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа, а решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции оставила без изменения в силу следующего.

В соответствии с подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ одним из основных принципов земельного законодательства является принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов.

В развитие данного принципа п. 4 ст. 35 ЗК РФ запрещает отчуждение земельного участка без находящихся на нем зданий, строений, сооружений в случае, если они принадлежат одному лицу.

Таким образом, если земельный участок и расположенные на нем объекты недвижимости принадлежат на праве собственности одному лицу, сделка по отчуждению объекта не может быть совершена без отчуждения земельного участка, на котором он находится.

Исходя из условий договора, являющегося договором купли-продажи недвижимости, созданной в будущем, при разрешении спора подлежали применению также положения ст. 552 ГК РФ о переходе права собственности на земельный участок вместе с отчуждением находящейся на нем недвижимости.

Условия заключенного сторонами договора на участие в долевом строительстве об одновременной передаче вместе с помещениями, приобретаемыми по договору, земельного участка, на котором расположено здание, соответствуют положениям п. 2 ст. 552 ГК РФ.

Подписанным по результатам реализации договора актом приема-передачи стороны подтвердили также фактическую передачу земельного участка дольщикам в соответствии с условиями указанного договора.

При таких обстоятельствах вывод суда кассационной инстанции о том, что договор на участие в долевом строительстве и акт приема-передачи не являются основаниями возникновения права собственности предпринимателей, нельзя признать обоснованным и соответствующим закону.

Применение судами первой и апелляционной инстанций при разрешении спора ст. 36 ЖК РФ является ошибочным, поскольку основанием возникновения права собственности предпринимателей на долю в праве собственности на земельный участок является договор на участие в долевом строительстве, а не ст. 36 ЖК РФ, применяемая к возникновению прав на земельный участок, расположенный под многоквартирным жилым домом. Определение сторонами договора долевого участия земельного участка как объекта общего имущества также не дает оснований применять к спорным отношениям указанную норму права. Вместе с тем, поскольку судами спор разрешен, в том числе на основании иных норм материального права, регулирующих спорные правоотношения, ссылка судов на эту норму не привела к неправильным выводам по существу спора.

Определение № 307-КГ15-14692

8. Законодательством не предусмотрен переход земельного участка, находящегося в публичной собственности и на котором построено нежилое здание, в общую долевую собственность собственников поме-

шений в этом здании, если застройщику земельный участок был предоставлен по договору аренды. В этом случае с момента регистрации права собственности первого лица на любое из помещений в нежилом здании на стороне арендатора возникает множественность лиц в арендных правоотношениях, существующих между застройщиком и собственником земельного участка.

Комитетом по управлению имуществом муниципального образования (арендодатель; далее — комитет) и обществом (арендатор) заключен договор аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, для строительства нежилого здания административно-торгового назначения.

Ссылаясь на то, что общество не исполнило обязанность по внесению арендных платежей, комитет обратился в суд с иском об их взыскании.

В возражениях на иск общество указало на то, что на спорном земельном участке построено нежилое здание; оно введено в эксплуатацию и на одно из помещений в нем осуществлена государственная регистрация права собственности фирмы — участника долевого строительства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано.

Суды, используя аналогию закона, применили ст.ст. 289, 290 ГК РФ, ст. 36 ЖК РФ, а также ст.ст. 1 и 16 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” и пришли к выводу о том, что по завершении строительства и регистрации права собственности первого лица на любое из помещений в здании земельный участок перешел в долевую собственность собственников помещений нежилого здания и выбыл из распоряжения комитета с момента государственной регистрации первого права собственности на нежилое помещение.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу ст.ст. 289, 290 ГК РФ, ст. 36 ЖК РФ, а также в соответствии с разъяснениями, содержащимися в пп. 66, 67 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав”, в п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 “Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды”, с момента регистрации права собственности первого лица на любое из помещений в многоквартирном доме соответствующий земельный участок поступает в долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме, а договор аренды этого участка прекращается на основании ст. 413 ГК РФ независимо от того, в частной или публичной собственности находился переданный в аренду земельный участок.

В отношении земельных участков, находящихся в публичной собственности и предостав-

ленных застройщику в аренду для строительства нежилых объектов, подлежит применению иной правовой подход.

Из абз. 2 п. 3 ст. 552 ГК РФ и разъяснений п. 25 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ “Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды” следует, что при продаже недвижимости, находящейся на земельном участке, не принадлежащем продавцу на праве собственности, к покупателю этой недвижимости с момента государственной регистрации перехода права собственности на нее переходит то право на земельный участок, которое принадлежало продавцу недвижимости, а также связанные с этим правом обязанности при наличии таковых (перемена лица в договоре аренды).

В случае если имевшееся у застройщика (продавца) право аренды земельного участка перешло к нескольким лицам в связи с приобретением ими в собственность нежилых помещений, в том числе во вновь построенном нежилом здании, с момента государственной регистрации права собственности на помещения на стороне арендатора возникает множественность лиц в арендных правоотношениях, существующих между застройщиком и собственником земельного участка.

Поскольку ни закон, ни договор аренды не содержат такого основания, как автоматическое прекращение договора аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, на котором построено отдельно стоящее нежилое здание, после завершения строительства (ввод объекта в эксплуатацию, передача в собственность помещения в здании иному лицу и т.п.), то и после наступления этих обстоятельств указанный договор аренды продолжает действовать.

Учитывая отсутствие законодательного пробела в части регулирования спорных правоотношений, у судов не имелось оснований для применения к этим правоотношениям по аналогии закона положений о прекращении договора аренды земельного участка, предоставленного для строительства многоквартирного дома, в случае отчуждения жилых или нежилых помещений в нем.

Таким образом, суды, необоснованно применив положения ст. 36 ЖК РФ, ст.ст. 289 и 290 ГК РФ в отношении спорного земельного участка, пришли к неправильным выводам о том, что договор аренды указанного участка прекратил свое действие 25 сентября 2014 г. и комитет утратил право распоряжаться этим участком в спорный период.

Определение № 305-ЭС15-16772

IV. Разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений

9. Порядок исполнения судебного акта, предусмотренный п. 6 ст. 242² БК РФ, не регулирует отношения по исполнению судебных актов об обязанности ответчика вернуть истцу полученные по расторгнутому гражданско-правовому договору денежные средства. Проценты, установленные ст. 395 ГК РФ, подлежат начислению на сумму этих денежных средств с момента, когда должник узнал или должен был узнать о неосновательности их получения или сбережения, до дня их фактического возврата (п. 3 ст. 1103, п. 2 ст. 1107 ГК РФ).

Компанией (инвестором-застройщиком), впоследствии передавшей свои права требования обществу, и правительством субъекта Россий-

ской Федерации (далее — правительство) был заключен инвестиционный контракт о реализации проекта по строительству ряда объектов.

Во исполнение обязательств по контракту компанией перечислено правительству 10 016 553 руб.

В связи с неисполнением правительством своих обязательств инвестиционный контракт был расторгнут по решению суда.

Решением суда первой инстанции от 28 ноября 2013 г. по другому делу с правительства в пользу общества взыскано 10 016 553 руб. неосновательного обогащения.

Платежным поручением от 1 июля 2014 г. правительство произвело перечисление обществу денежных средств на основании исполнительного документа.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к правительству о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами за период с даты вступления в законную силу судебного акта о расторжении инвестиционного контракта до момента возврата денежных средств.

В отзыве на иск правительство ссылалось на то, что финансовый орган субъекта Российской Федерации исполнил свою обязанность по исполнению исполнительного листа в срок, установленный действующим бюджетным законодательством (ст.ст. 239, 242¹ БК РФ). Исполнительный документ был предъявлен в уполномоченный орган 31 марта 2014 г. и исполнен 1 июля 2014 г.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковое требование удовлетворено.

Суды руководствовались ст.ст. 395 и 1107 ГК РФ и исходили из того, что установленные бюджетным законодательством особенности порядка исполнения судебных актов, предусматривающие взыскание средств за счет бюджетов по предъявлении исполнительного листа, не регулируют гражданско-правовые отношения и не изменяют оснований и условий гражданско-правовой ответственности за неисполнение договорного обязательства.

Арбитражный суд округа постановлением отменил названные судебные акты и отказал в удовлетворении исковых требований. Суд согласился с доводами ответчика об отсутствии оснований для начисления процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ в случаях, когда исполнительный лист исполнен финансовым органом в срок, установленный ст. 242¹ БК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Обязанность ответчика по возврату денежных средств возникла в связи с исполнением и последующим расторжением гражданско-правового договора (инвестиционного контракта), а не вследствие причинения вреда (деликта).

Следовательно, эти обязательства не регулируются ст. 242² БК РФ, посвященной особенностям исполнения судебных актов по искам к публично-правовым образованиям о возмещении вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, и о присуждении компенсации за

нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Особенности исполнения судебных актов о взыскании денежных средств с должника — публично-правового образования за счет средств бюджетов бюджетной системы, установленные ст.ст. 242¹, 242³—242⁵ БК РФ, не освобождают должника от обязанности своевременно исполнить обязательство по возврату полученной по расторгнутому договору денежной суммы и не являются основанием для освобождения должника от уплаты процентов, начисляемых в соответствии со ст. 395 ГК РФ (п. 1 ст. 1, ст. 124 ГК РФ).

Определение № 305-ЭС15-12509

10. Если нормативный акт, устанавливающий расчет регулируемой арендной платы, признан решением суда недействительным и имеется ранее принятый нормативный акт, регулирующий аналогичные отношения, расчет арендной платы на основании признанного недействительным нормативного акта является незаконным.

В 2007 году администрацией г. Оренбурга (арендодатель; далее — администрация) и предпринимателем (арендатор) заключен договор аренды земельного участка, государственная собственность на который не разграничена, для строительства автосервиса.

Согласно договору размер арендной платы изменяется с момента вступления в законную силу нормативно-правовых актов Российской Федерации, субъекта Российской Федерации и муниципального образования, регулирующих порядок начисления и размер арендной платы без дополнительного согласования с арендатором и внесения изменений в договор аренды.

Дополнительным соглашением от 28 сентября 2010 г. сторонами согласован размер арендной платы на 2010 год исходя из положений постановления правительства Оренбургской области от 12 октября 2009 г. № 530-п «Об утверждении порядка определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за использование земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, на территории Оренбургской области» (далее — постановление от 12 октября 2009 г. № 530-п) и постановления правительства Оренбургской области от 16 октября 2009 г. № 537-п «Об утверждении ставок арендной платы за использование земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, на территории Оренбургской области» (далее — постановление от 16 октября 2009 г. № 537-п).

Решением арбитражного суда Оренбургской области от 31 августа 2012 г. постановление от 16 октября 2009 г. № 537-п признано недействующим.

Ссылаясь на то, что ответчик не исполнял обязанность по внесению арендных платежей за 2010 год, администрация обратилась в суд с иском о взыскании задолженности. Размер арендной платы рассчитан истцом на основании вышеуказанных постановлений.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Суды исходили из того, что договором закреплена методика расчета арендной платы, поэтому определение размера задолженности с применением ставок, утвержденных постановлением от 16 ок-

тября 2009 г. № 537-п, не противоречит нормам закона и не нарушает права предпринимателя.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Суды с учетом заключения договора аренды земельного участка, относящегося к землям, собственностью на которые не разграничена, после вступления в силу Земельного кодекса РФ обоснованно указали, что арендная плата по нему является регулируемой, определяемой в порядке, установленном правительством Оренбургской области.

Вместе с тем судами не учтено, что администрация произвела расчет арендной платы по ставкам, установленным постановлением от 16 октября 2009 г. № 537-п, признанным судом недействующим и не подлежащим применению.

Пункт 1 ст. 424 ГК РФ предоставляет кредитору право требовать исполнения договора по установленной законом цене. Однако это возможно только в том случае, когда соответствующий правовой акт о ее установлении не признан судом противоречащим закону. Иное толкование этой нормы означало бы, что кредитор может получать незаконно установленную цену.

Суды, применив при разрешении спора правовую позицию, изложенную в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 апреля 2012 г. № 15837/2011, не учли, что она могла быть применена только к тем случаям, когда при отмене нормативного акта, устанавливающего ставки арендной платы, отсутствовал ранее действовавший нормативный акт, регулирующий вопросы платы за землю.

Однако в данном случае имеется нормативный акт, которым определялись ставки арендной платы за использование земельных участков до принятия постановления от 16 октября 2009 г. № 537-п. Таким актом, регулировавшим аналогичные отношения, является постановление правительства Оренбургской области от 25 декабря 2007 г. № 456-п «Об утверждении порядка определения размеров арендной платы, условий и сроков внесения арендной платы за использование земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, на территории Оренбургской области».

Таким образом, применение судами постановления от 16 октября 2009 г. № 537-п при рассмотрении настоящего дела не может быть признано правомерным. Подход судов являлся бы обоснованным при отсутствии ранее действовавшего нормативного акта, регулирующего аналогичные отношения.

Определение № 309-ЭС15-16627

11. Условие договора подряда о том, что подрядчик не обладает правом на удержание согласно ст. 712 ГК РФ, является действительным.

Обществом (заказчик) и компанией (подрядчик) заключен договор строительного подряда.

После приемки результатов работы обществом в адрес компании направлено письмо с просьбой представить исполнительную документацию.

Компания сообщила обществу, что исполнительная документация будет передана при условии оплаты дополнительных работ, выполненных подрядчиком.

Общество обратилось в суд с иском к компании об обязанности передать исполнительную документацию. Общество также ссылалось на то, что

договором подряда исключено право подрядчика на удержание, предусмотренное ст. 712 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказано. Суд указал на недоказанность факта удержания компанией исполнительной документации, поскольку объект строительства введен в эксплуатацию.

Суд апелляционной инстанции оставил в силе решение суда первой инстанции. Суд исходил из того, что в силу п. 2 ст. 9 ГК РФ отказ от осуществления права не влечет прекращения этого права, за исключением случаев, предусмотренных законом. Таким образом, подрядчик вправе удерживать исполнительную документацию до момента оплаты выполненных работ вне зависимости от исключения этого права условием договора.

Арбитражный суд округа согласился с выводом суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Соглашение сторон о том, что подрядчик не будет иметь прав, предусмотренных ст. 712 ГК РФ, не противоречит ст. 9 ГК РФ в силу диспозитивности ст.ст. 359, 712 ГК РФ.

Судами также в нарушение ст. 726 ГК РФ необоснованно не принят довод общества о том, что исполнительная документация необходима как для безопасной эксплуатации объекта, так и для проведения ремонтных работ.

Определение № 306-ЭС15-16624

V. Споры, возникающие из налоговых правоотношений

12. Возникновение контролируемой задолженности в результате выдачи займа российской организацией приводит только к ограничению у заемщика вычета процентов при исчислении налога на прибыль в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 269 НК РФ. Возложение на российскую организацию — заемщика дополнительной обязанности налогового агента при выплате процентов по такому займу другой российской организации является незаконным.

Обществом (заемщик) и компанией (займодавец), зарегистрированными в Российской Федерации, заключено несколько договоров займа с начислением процентов.

Акционером компании, владеющим 99,995 процентов акций, является иностранная фирма, зарегистрированная в Республике Кипр.

Поскольку компания является участником общества, обладая 90% его уставного капитала, доля косвенного участия иностранной фирмы в капитале общества в проверяемый период составляла не менее 89%.

По результатам выездной налоговой проверки налоговым органом принято решение, которым обществу доначислен налог на прибыль, пени за несвоевременную уплату (неуплату) налога и штрафы за совершение правонарушений, предусмотренных п. 1 ст. 122 и п. 1 ст. 123 НК РФ.

Основанием для принятия указанного решения послужил вывод о необоснованном отнесении обществом в полном объеме к внереализационным расходам при исчислении налога на прибыль процентов, начисленных по названным договорам займа, поскольку предоставившее их лицо — компания является аффилированным

лицом иностранной фирмы, косвенно владеющей более 20% капитала общества.

В связи с этим, по мнению налогового органа, на основании п. 2 ст. 269 НК РФ указанная задолженность по займам признается контролируемой, и начисленные по ней проценты могут быть включены в состав расходов не более рассчитанной в соответствии с этой нормой предельной суммы, которая в данном случае вследствие отрицательного значения принадлежащего обществу собственного капитала (чистых активов) составила нулевую величину.

Кроме того, налоговый орган пришел к выводу о том, что вопреки п. 4 ст. 269 НК РФ общество не исполнило обязанности налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога с доходов иностранной фирмы, полученных в виде дивидендов, сочтя в качестве таковых проценты по контролируемой задолженности, выплаченные компанией.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа недействительным.

Решением суда первой инстанции требования общества удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении требований общества отказано.

Общество обратилось с кассационной жалобой в Верховный Суд РФ в части вывода суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа о неисполнении обществом обязанности налогового агента.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции в оспариваемой части, в остальной части постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа оставила без изменения по следующим основаниям.

Из буквального толкования п. 2 ст. 269 НК РФ следует, что к контролируемой задолженности отнесены как долговые обязательства, возникшие непосредственно перед иностранной организацией, участвующей в капитале заемщика, так и долговые обязательства перед российскими организациями — аффилированными лицами таких иностранных организаций.

В последнем случае контролируемая задолженность лишь считается возникшей перед иностранной организацией, имея в виду наличие у иностранной организации возможности оказывать влияние на принятие аффилированным с ней лицом решения о предоставлении займа.

При таком построении бизнеса российской организацией, когда имеет место высокая доля долга, аффилированность заемщика и кредитора, в лице которого выступает не только иностранная организация, но и российская организация, аффилированная с иностранной организацией, рассматриваемой нормой Налогового кодекса РФ вводится ограничение по учету процентов в составе расходов, направленное на противодействие злоупотреблениям в налоговых правоотношениях.

Помимо того, последствием отнесения задолженности по долговому обязательству к контролируемой является то, что в соответствии с п. 4 ст. 269 НК РФ сумма процентов, признаваемая

согласно п. 2 данной статьи избыточной (положительная разница между фактически начисленными и предельными процентами), приравнивается в целях налогообложения к дивидендам, уплаченным иностранной организацией.

Вместе с тем, устанавливая правило о налогообложении соответствующих сумм выплачиваемых процентов в режиме дивидендов, п. 4 ст. 269 НК РФ самостоятельно не определяет основания возникновения статуса налогового агента у российских организаций.

Наделение соответствующих лиц статусом налогового агента, как это следует из п. 1 ст. 24 НК РФ, предполагает необходимость явного и недвусмысленного определения в законе круга лиц и случаев, при наступлении которых на указанных субъектов возлагается публично-правовая обязанность по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет суммы налога.

Обязанность налогового агента при этом может состоять в перечислении в бюджет лишь тех сумм налога, обязанность по уплате которых, в свою очередь, лежит на налогоплательщике, т.е. при наличии соответствующего объекта налогообложения.

Объектом налогообложения для иностранных организаций, не осуществляющих деятельность в Российской Федерации через постоянные представительства, в соответствии со ст. 247 НК РФ, являются доходы, полученные ими от источников Российской Федерации.

К числу облагаемых доходов в силу положений подп. 1 п. 1 ст. 309 НК РФ относятся дивиденды, выплачиваемые иностранной организацией — акционеру (участнику) российской организации.

Статусом налогового агента при этом согласно п. 1 ст. 310 НК РФ наделяются организации, производящие выплату дохода соответствующей иностранной организации.

Таким образом, возникновение обязанности по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога с доходов иностранной организации, включая налог с дивидендов, обусловлено их реальной выплатой в пользу иностранной организации — получателя дохода.

Положения, которые бы относили к объекту налогообложения иностранных организаций не полученные ими дивиденды (включая приравненные к дивидендам платежи), в главе 25 “Налог на прибыль организаций” НК РФ отсутствуют.

Толкование положений п. 4 ст. 269 НК РФ, содержащееся в постановлениях суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, не отвечает требованиям определенности законно установленного налога и способно привести к двойному налогообложению выплаченных сумм как доходов иностранной организации и одновременно — доходов российской организации — займодавца.

При отсутствии в Налоговом кодексе РФ правил, устраняющих двойное налогообложение в указанных случаях, в частности в отсутствие прямого предписания об освобождении сумм полученных процентов от налогообложения у российской организации — займодавца, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о наличии правовой неопределенности в содержании налогового закона, которая в соответствии с п. 7 ст. 3 и п. 2 ст. 24 НК РФ подлежит истолкованию в пользу общества.

Следовательно, в случаях возникновения контролируемой задолженности в результате вы-

дачи займа российской организацией наступают только последствия, предусмотренные п. 3 ст. 269 НК РФ в виде ограничения вычета процентов при исчислении налога, а возложение на российскую организацию-заемщика обязанности налогового агента при выплате процентов по такому займу другой российской организации не основано на законе.

Кроме того, Судебная коллегия отметила, что п. 4 ст. 269 НК РФ применяется в целях пресечения ухода иностранных организаций от налогообложения в Российской Федерации в тех случаях, когда под видом процентов им выплачиваются дивиденды и, как следствие, налог у источника выплаты не удерживается (в силу установленных международными соглашениями об избежании двойного налогообложения пониженных ставок налога при выплате процентов или полного освобождения данных выплат от налогообложения).

Между тем обстоятельством, которые бы указывали на скрытую выплату дивидендов обществом в пользу иностранной фирмы, судами при рассмотрении настоящего дела не установлено, на их наличие налоговый орган не ссылаясь. Само по себе перечисление денежных средств между российскими организациями, в капитале которых участвует одна иностранная организация, не свидетельствует о скрытом поступлении в ее пользу дивидендов.

Из материалов настоящего дела усматривается, что проценты, полученные компанией в проверяемый период по договорам займа, были израсходованы на текущую деятельность этой организации и не являются скрытым распределением дивидендов в адрес иностранной фирмы.

В силу изложенного является правильным вывод суда первой инстанции об отсутствии у налогового органа оснований для применения к рассматриваемой ситуации п. 4 ст. 269 НК РФ, исчисления налога на прибыль с суммы положительной разницы между начисленными процентами и предельными процентами и доначисления к уплате обществу налога на прибыль организаций.

Определение № 305-КГ15-14263

13. Полномочиями по контролю цен, применяемых в сделках между взаимозависимыми лицами, на соответствие их рыночным ценам обладает лишь Центральный аппарат Федеральной налоговой службы России, но не территориальные налоговые органы.

Взаимозависимость участников сделок сама по себе не является доказательством получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, а может иметь юридическое значение в целях налогового контроля, только если установлено, что такая взаимозависимость используется участниками сделки как возможность для осуществления согласованных действий, не обусловленных разумными экономическими и иными причинами.

По результатам выездной налоговой проверки территориальным подразделением Федеральной налоговой службы (далее — инспекция) составлен акт и принято решение о доначислении обществу налога на прибыль, налога на добавленную стоимость, начислении соответствующих сумм пеней за неуплату данных налогов, а также привлечении к налоговой ответственности на основании п. 1 ст. 122 НК РФ.

Основанием для принятия указанного решения послужил вывод инспекции о занижении обществом налогооблагаемой базы при исчислении налогов ввиду осуществления поставки сжиженного газа взаимозависимыми лицами по более

низким по сравнению с иными покупателями ценам, не соответствующим среднерыночным, сложившимся в данном регионе. Придя к данному выводу, инспекция произвела корректировку цен, примененных сторонами сделок, с использованием метода сопоставимых цен (п. 1 ст. 105⁷ НК РФ).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании данного решения инспекции недействительным.

Удовлетворяя заявление общества, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии в материалах дела доказательств, свидетельствующих о получении обществом необоснованной налоговой выгоды и влекущих корректировку примененных сторонами сделок цен на поставленный товар.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции исходил из того, что общество заключало договоры с взаимозависимыми лицами по ценам ниже предела рассчитанной минимальной рыночной цены.

При этом суд апелляционной инстанции отметил, что в случае совершения между взаимозависимыми лицами сделок, не отвечающих признакам контролируемых, в которых исчисление налоговой базы осуществляется на основании положений отдельных статей части второй Налогового кодекса РФ исходя из цен, определяемых в соответствии со ст. 105³ НК РФ, контроль соответствия цен, примененных в таких сделках, рыночным сделкам может быть предметом выездных и камеральных проверок.

Арбитражный суд округа согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 227-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения” часть первая Налогового кодекса РФ дополнена разделом VI “Взаимозависимые лица. Общие положения о ценах и налогообложении. Налоговый контроль в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами. Соглашение о ценообразовании”.

В соответствии с положениями данного раздела Налогового кодекса РФ определение в целях налогообложения доходов (прибыли, выручки) взаимозависимых лиц, являющихся сторонами сделки, производится федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов, с применением методов, установленных в главе 14³ НК РФ. Данный вывод следует из положений п. 2 ст. 105³, п. 1 ст. 105⁵, пп. 1, 6 ст. 105⁶, п. 1 ст. 105⁷, ст. 105¹⁷ НК РФ.

При определении налоговой базы с учетом цены товара (работы, услуги), примененной сторонами сделки для целей налогообложения, указанная цена признается рыночной, если федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов (ФНС России), не доказано обратное либо если налогоплательщик не произвел

самостоятельно корректировку сумм налога (убытка) в соответствии с п. 6 ст. 105³ НК РФ.

Проверка полноты исчисления и уплаты налога в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами производится вышеуказанным уполномоченным органом на основании уведомления о контролируемых сделках или извещения территориального налогового органа, проводящего выездную или камеральную налоговую проверку и мониторинг налогоплательщика. Кроме того, выявление контролируемой сделки возможно ФНС России при проведении повторной выездной налоговой проверки в порядке контроля за деятельностью налогового органа, проводившего налоговую проверку (п. 1 ст. 105¹⁷ НК РФ).

Таким образом, по сравнению с ранее действовавшим правовым регулированием контроля цен (ст. 40 НК РФ), положения раздела V¹ НК РФ сузили круг контролирующих органов, наделенных полномочиями по контролю цен, применяемых в сделках между взаимозависимыми лицами на соответствие цен рыночным ценам, предоставив такие полномочия исключительно ФНС России. Кроме того, установив специальные процедуры проведения данного вида контроля: сроки, ограничения по количеству проверок, возможность заключения соглашения о ценообразовании, право на симметричную корректировку, Налоговый кодекс РФ исключил из числа сделок между взаимозависимыми лицами, подлежащих контролю в порядке, предусмотренном разделом V¹ НК РФ, сделки, не соответствующие критерию контролируемых сделок, а также сделки, по которым объем доходов не превышает установленные ст. 105¹⁴ НК РФ суммовые критерии.

При этом в силу прямого запрета, установленного в абз. 3 п. 1 ст. 105¹⁷ НК РФ, контроль соответствия цен, примененных в контролируемых сделках, не может быть предметом выездных и камеральных проверок.

В настоящем деле при проведении выездной налоговой проверки инспекция вышла за пределы предоставленных ей полномочий, произведя на основании положений главы 14³ НК РФ корректировку цен в проверяемый налоговый период по сделкам общества с взаимозависимыми лицами.

Судебная коллегия также отклонила довод инспекции о наличии у нее полномочий по корректировке налогооблагаемой базы проверяемого налогоплательщика в связи с выявлением факта заключения сделок с взаимозависимыми лицами, свидетельствующего, по мнению налогового органа, о получении обществом необоснованной налоговой выгоды.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 “Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды”, налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера).

Налоговая выгода не может быть признана обоснованной, если получена налогоплательщиком вне связи с осуществлением реальной пред-

принимательской или иной экономической деятельности.

При этом следует учитывать, что возможность достижения того же экономического результата с меньшей налоговой выгодой, полученной налогоплательщиком путем совершения других предусмотренных или не запрещенных законом операций, не является основанием для признания налоговой выгоды необоснованной.

Таким образом, взаимозависимость участников сделок сама по себе не является доказательством получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, а может иметь юридическое значение в целях налогового контроля, только если установлено, что такая взаимозависимость используется участниками сделки как возможность для осуществления согласованных действий, не обусловленных разумными экономическими или иными причинами.

Инспекция в ходе выездной налоговой проверки, установив факт взаимозависимости общества с контрагентами по сделкам, ограничилась констатацией данного факта, не установив совокупность условий, свидетельствующих о согласованных действиях взаимозависимых лиц в целях получения необоснованной налоговой выгоды.

Определение № 308-КГ15-16651

VI. Споры, возникающие при применении законодательства о защите конкуренции

14. В случае когда в отношении поставки продукции, являющейся предметом конкурса на право заключения государственного контракта, установлен запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, участники конкурса обязаны представлять документы, подтверждающие страну происхождения предлагаемых к поставке товаров.

По результатам проведенного учреждением (заказчиком) электронного аукциона на право заключения государственного контракта “Горох шлифованный, крупа пшено, крупа пшеничная” решением единой комиссии заказчика (далее — комиссия заказчика) победителем признана заявка общества.

Компания обратилась в Федеральную службу по оборонному заказу (далее — Рособоронзаказ) с жалобой на действия комиссии заказчика, выразившиеся в неправомерном признании общества победителем электронного аукциона при отсутствии в составе второй части заявки сертификата (или декларации) о происхождении товара, что противоречит требованиям аукционной документации.

По результатам проверки Рособоронзаказом вынесены решение и предписание, согласно которым заказчику необходимо отменить протокол подведения итогов электронного аукциона и рассмотреть вторые части заявок на участие в электронном аукционе.

Заказчик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения и предписания незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Суды пришли к выводу, что в составе второй части заявки общества отсутствуют документы (их копии), подтверждающие соответствие участника такого аукциона и (или) предлагаемого им товара (работы, услуги) условиям, запретам, ограничениям, установленным заказчиком в соот-

ветствии со ст. 14 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее — Закон о контрактной системе) и разделом 37 документации об электронном аукционе.

Отменяя принятые по делу судебные акты, арбитражный суд округа исходил из следующего.

В п. 3 ч. 5 ст. 66 Закона о контрактной системе установлен перечень документов и информации, которые должна содержать вторая часть заявки на участие в электронном аукционе. При этом не допускается требовать представление указанных в данном пункте документов, если в соответствии с законодательством Российской Федерации они передаются вместе с товаром.

Учитывая положения ГОСТа 26312.1-84 “Крупа. Правила приемки и методы отбора проб”, согласно которым сертификат или декларация качества и безопасности подлежат представлению одновременно с каждой партией товара, руководствуясь положениями п. 3 ч. 5 ст. 66 Закона о контрактной системе, п. 2 ст. 456 ГК РФ, арбитражный суд округа пришел к выводу, что у участника аукциона отсутствовала обязанность по представлению названных документов, а у Рособоронзаказа — правовые основания для вывода о несоответствии второй части заявки требованиям Закона о контрактной системе и документации об электронном аукционе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила без изменения решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Закон о контрактной системе регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений. Контрактная система в сфере закупок основывается на принципах открытости, прозрачности информации, обеспечения конкуренции, эффективности осуществления закупок (ст.ст. 1, 6 Закона о контрактной системе).

В силу подп. “з” п. 1 ч. 2 ст. 51 и п. 6 ч. 5 ст. 66 Закона о контрактной системе заявка на участие в открытом конкурсе и электронном аукционе должна содержать всю указанную заказчиком в конкурсной документации информацию, а именно документы, подтверждающие соответствие такого участника и (или) предлагаемых им товара, работы или услуги условиям, запретам и ограничениям, если такие условия, запреты и ограничения установлены заказчиком в конкурсной документации в соответствии со ст. 14 Закона о контрактной системе, или заверенные копии таких документов.

Аналогичные требования содержатся в п. 13.4 раздела 13 документации об электронном аукционе, утвержденной заказчиком.

Согласно ч. 3 ст. 14 Закона о контрактной системе в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты внутреннего рынка Российской Федерации, развития национальной экономики, поддержки российских товаропроизводителей Правительством РФ устанавливаются

запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами, и ограничения допуска указанных товаров, работ, услуг для целей осуществления закупок. Определение страны происхождения указанных товаров осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. № 1224 “Об установлении запрета и ограничений на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства” установлен запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства, за исключением случаев, когда производство таких товаров, выполнение работ и оказание услуг на территории Российской Федерации отсутствуют или не соответствуют требованиям государственных заказчиков.

Таким образом, в отношении поставки продукции, являвшейся предметом проводимого учредением аукциона, действовал запрет, установленный названным постановлением Правительства РФ, что влекло необходимость представления участниками электронного аукциона документов, подтверждающих страну происхождения предлагаемых к поставке товаров.

Таким подтверждением может являться сертификат о происхождении товара, выдаваемый в соответствии с Соглашением о Правилах определения страны происхождения товаров в Содружестве Независимых Государств от 20 ноября 2009 г. по форме СТ-1.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций, обществом требование действующего законодательства в части представления указанных выше документов исполнено не было, что исключало возможность признания его победителем электронного аукциона.

Ошибочным является применение арбитражным судом округа положений п. 3 ч. 5 ст. 66 Закона о контрактной системе и п. 2 ст. 456 ГК РФ, поскольку в спорной ситуации в составе второй части заявки на участие в аукционе в электронной форме необходимо было представить не копии документов, подтверждающих соответствие товара требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, а документы или их копии, подтверждающие соответствие товара условиям, запретам и ограничениям, установленным заказчиком согласно ст. 14 Закона о контрактной системе.

Определение № 305-КГ15-17695

VII. Споры, возникающие при применении таможенного законодательства

15. Таможенная стоимость товаров не может считаться документально подтвержденной, если не обоснован объективный характер значительного отличия цен на декларируемые товары от ценовой информации, содержащейся в базах данных таможенных органов, иных официальных и общепризнанных источниках, по сделкам с идентичными товарами, ввезенными в Российскую Федерацию при сопоставимых условиях.

Во исполнение внешнеторгового контракта, заключенного обществом и иностранной компанией, на таможенную территорию Таможенного союза в Российскую Федерацию ввезен товар, таможенная стоимость которого определена по первому методу таможенной оценки — по стоимости сделки с ввозимым товаром.

В ходе таможенного контроля таможенный орган установил, что представленные к таможенному оформлению документы и сведения не основаны на количественно определяемой и документально подтвержденной информации, а также недостаточны для подтверждения заявленной таможенной стоимости товара по первому методу, в связи с чем принял решение о проведении дополнительной проверки, направив обществу запрос о предоставлении дополнительных документов для подтверждения заявленной таможенной стоимости товаров.

В связи с тем, что общество частично представило запрошенные документы и сведения, а также письмо о невозможности представления иных документов, таможней было принято решение о корректировке таможенной стоимости товаров (далее — решение о корректировке таможенной стоимости).

Не согласившись с названным решением, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, оспариваемое решение признано незаконным.

Удовлетворяя заявленное требование, суды исходили из того, что представленные обществом документы являются достаточными для применения метода по стоимости сделки с ввозимыми товарами, а таможенный орган не привел доказательств невозможности использования имеющихся документов в их совокупности и системной оценке для целей надлежащего подтверждения таможенной стоимости ввезенных товаров, следовательно, у таможни отсутствовали правовые основания для ее корректировки и, соответственно, доначисления таможенных платежей, подлежащих уплате.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу п. 4 ст. 65 Таможенного кодекса Таможенного союза заявляемая таможенная стоимость товаров и представляемые сведения, относящиеся к ее определению, должны основываться на достоверной, количественно определяемой и документально подтвержденной информации.

Согласно п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 96 “О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с определением таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза” при оценке обоснованности применения первого метода определения таможенной стоимости ввозимых товаров судам необходимо руководствоваться положениями п. 1 ст. 4 и пп. 1 и 3 ст. 5 Соглашения между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации от 25 января 2008 г. “Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза” (далее —

Соглашение), имея в виду, что стоимость сделки с ввозимыми товарами не может считаться документально подтвержденной, количественно определенной и достоверной, если декларант не представил доказательства заключения сделки, на основании которой приобретен товар, в любой не противоречащей закону форме или содержащаяся в такой сделке информация о цене не соотносится с количественными характеристиками товара, или отсутствует информация об условиях поставки и оплаты товара либо имеются доказательства ее недостоверности, а также если отсутствуют иные сведения, имеющие отношение к определению стоимости сделки в смысле приведенных норм Соглашения.

В ответ на запрос таможенного органа о предоставлении дополнительных документов в обоснование применения первого метода оценки таможенной стоимости обществом была представлена лишь часть запрошенных документов: коммерческое предложение продавца товаров, переписка с иностранным партнером о непредставлении прайс-листа и экспортной декларации, пояснения о влияющих на цену физических характеристиках ввезенного товара, бухгалтерские документы о постановке на учет ввезенного товара, пояснения по условиям продажи товаров.

Такие документы, как прайс-лист продавца (производителя товара), на основании которого можно было бы проанализировать сведения о стоимости ввозимого товара в стране отправления и объяснить причины отклонения цены сделки от первоначальной цены предложения, а также экспортная декларация, позволившая бы уточнить сведения, заявленные продавцом при вывозе товара в соответствии с законодательством страны вывоза, обществом представлены не были, что не позволило таможенному органу установить послужившие основанием для проведения дополнительной проверки сомнения в достоверности сведений, представленных обществом для подтверждения заявленной таможенной стоимости товаров.

Кроме того, судами не дано надлежащей оценки информации, представленной таможней органом о стоимости однородных товаров, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза.

Так, заявленный уровень таможенной стоимости составил 0,99 доллара США, в то время как, исходя из сведений, имеющихся в распоряжении таможенного органа, таможенная стоимость идентичного (однородного) товара варьируется от 2,13 до 5,00 долларов США за килограмм в зависимости от целей использования товара.

Действия лица, ввозящего товар на таможенную территорию государства, соответствовали бы принципам разумности и осмотрительности, предъявляемым к поведению участников гражданского оборота, если бы такие субъекты при ввозе товаров по цене, значительно отличающейся от цен сделок с однородными товарами, заранее собирали доказательства, подтверждающие более низкую цену сделки.

Вместе с тем представленными обществом документами, сведениями и пояснениями не обоснован объективный характер значительного отклонения цен на декларируемые товары от ценовой информации, содержащейся в базах данных таможенных органов по сделкам с идентичными товарами, ввезенными в Российскую Федерацию при сопоставимых условиях, иных официальных и об-

щепризнанных источниках информации. Следовательно, основания для проведения дополнительной проверки таможенной стоимости устранены не были, что, в соответствии с п. 21 Порядка контроля таможенной стоимости товаров, утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 20 сентября 2010 г. № 376, является основанием для принятия должностным лицом таможенного органа решения о корректировке заявленной таможенной стоимости товаров исходя из имеющихся документов и сведений с учетом информации, полученной самостоятельно при проведении дополнительной проверки.

Определение № 303-КГ15-10774

16. Трехлетний срок, установленный ст. 122 Федерального закона “О таможенном регулировании в Российской Федерации” для предъявления требования о возврате таможенным органом авансовых платежей, начинается течь с момента последнего распоряжения авансовыми средствами, а не с даты зачисления отдельных платежей.

Банком на счет таможенного органа были перечислены денежные средства в качестве авансовых платежей. Часть из них не была израсходована.

В связи с этим банк обратился в таможенный орган с заявлением о возврате излишне уплаченных авансовых платежей.

Таможенный орган удовлетворил требования частично, указав, что в отношении требований о возврате части авансовых платежей пропущен трехлетний срок, установленный ст. 122 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ “О таможенном регулировании в Российской Федерации”.

Считая отказ таможенного органа о возврате авансовых платежей незаконным, банк обратился в суд с соответствующим требованием.

При новом рассмотрении дела решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных банком требований отказано.

Суды пришли к выводу, что трехлетний срок для обращения с заявлением в таможенный орган о возврате авансовых платежей, установленный ст. 122 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ, банком пропущен, в связи с чем у таможенных органов отсутствовали основания для возврата названных авансовых платежей. При этом суды исходили из исчисления указанного срока с момента внесения денежных средств отдельными платежными поручениями.

Оценив правовую природу авансовых платежей, суды пришли к выводу, что рассмотрение данного требования возможно путем предъявления иска к Федеральной таможенной службе как главному распорядителю денежных средств по правилам о взыскании убытков, предусмотренным ст.ст. 15, 16, 1069, 1082 ГК РФ.

Суды указали, что невозможность возврата из федерального бюджета невостребованных в течение трехлетнего срока авансовых платежей не может в системе действующего правового регулирования влечь нарушение каких-либо конституционных прав и свобод. Установление неограниченной по времени возможности для лиц, уплативших авансовые платежи, принимать решения об их возврате означало бы возложение на государство избыточной обязанности по бессрочному учету и контролю невостребованных сумм денежных средств, перечисленных на счета

Федерального казначейства, а также несению обусловленных ею дополнительных финансовых обременений.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и удовлетворила требования банка по следующим основаниям.

В силу Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита права частной собственности, относящегося к основным правам, составляет обязанность государства. Гарантии охраны частной собственности законом, закрепленные в ст. 35 Конституции Российской Федерации, распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере (Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 1997 г. № 8-П).

Таким образом, федеральный законодатель при принятии законов в сфере таможенного регулирования обязан исходить из публичных интересов государства и частных интересов физических и юридических лиц как субъектов гражданских отношений и внешнеэкономической деятельности, учитывая специфику форм взаимоотношений, складывающихся между частными и публичными субъектами в связи с исполнением обязанностей по уплате таможенных платежей.

Денежные средства, уплаченные в качестве авансовых платежей в соответствии со ст. 121 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ, являются имуществом лица, внесшего авансовые платежи, и не могут рассматриваться в качестве таможенных платежей либо денежного залога до тех пор, пока это лицо не сделает распоряжение об этом таможенному органу либо таможенный орган не обратит взыскание на авансовые платежи. В качестве распоряжения лица, внесшего авансовые платежи, рассматривается представление им или от его имени таможенной декларации, заявления на возврат авансовых платежей либо совершение иных действий, свидетельствующих о намерении этого лица использовать свои денежные средства в качестве таможенных платежей либо обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов.

Аналогичное правовое регулирование было предусмотрено и ранее в ст. 330 Таможенного кодекса РФ.

Таким образом, авансовая форма внесения денежных средств в счет предстоящих таможенных операций является одной из форм исполнения субъектами таможенных отношений своих обязанностей, возникающих в связи с уплатой таможенных платежей, и направлена на рационализацию взаимоотношений плательщиков с таможенными органами, в частности, при осуществлении ими множественных таможенных операций.

Использование данного механизма уплаты является также гарантией реализации публичного интереса, связанного со своевременной и полной уплатой таможенных пошлин и сборов.

Как установлено судами, банком были произведены авансовые платежи в счет декларирования им предстоящих внешнеэкономических операций, а также осуществлены действия по представлению таможенных деклараций, на основании которых таможенным органом произведено списание части указанных средств.

Из содержания ст. 122 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ следует, что ис-

числение срока на возврат авансовых платежей с даты поступления денежных средств на счет Федерального казначейства производится только в том случае, когда данные суммы не были востребованы ввиду отсутствия соответствующего распоряжения лица, внесшего такой аванс.

В случае использования авансовых средств для целей исполнения обязанностей в рамках таможенных отношений указанный срок исчисляется с последнего распоряжения об использовании авансовых платежей, под которым понимается, исходя из положений названного Закона, не только представление таможенной декларации, но и списание либо взыскание данных средств таможенным органом.

Следовательно, в ситуации, когда плательщик осуществляет внешнеэкономические операции, вступая в таможенные отношения с соответствующим таможенным органом, независимо от формы списания авансовых платежей — по распоряжению плательщика либо в результате действий таможенного органа, авансы утрачивают признак невостребованных средств и подлежат возврату в течение трех лет с момента последнего распоряжения авансовыми средствами плательщика, имеющимися на счете Федерального казначейства, безотносительно даты зачисления отдельных платежей.

Иное толкование положений ст.ст. 121—122 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ нарушает баланс между частными и публичными интересами в сфере таможенных отношений, возлагая на плательщика, внесшего авансовые платежи на счет Федерального казначейства и осуществившего декларирование, дополнительную обязанность по контролю за действиями таможенного органа, производящего списание средств в пределах лимита внесенного аванса, в целях исключения случаев необоснованного первоочередного зачета авансовых платежей по платежным документам, имеющим более позднюю дату.

В данном случае трехгодичный срок для возврата указанных платежей с момента последнего распоряжения денежными средствами, внесенными плательщиком в качестве аванса, банком не пропущен.

Заявленное банком требование носит имущественный характер. Ввиду отсутствия в таможенном законодательстве положений, устанавливающих срок на обращение в суд с требованием о возврате авансовых платежей, такое требование подлежит рассмотрению с применением общих правил исчисления срока исковой давности (п. 1 ст. 200 ГК РФ) и продолжительности срока исковой давности в три года (ст. 196 ГК РФ) с момента отказа таможенного органа в возврате спорных авансовых платежей.

Определение № 305-КГ15-8888

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

I. Вопросы квалификации

1. Убийство обоснованно признано совершенным группой лиц по предварительному сговору, поскольку осужденные действовали совместно, с умыслом, направленным на убийство, и каждый из них непосредственно участвовал в процессе лишения потерпевшего жизни.

Установлено, что З. и К. на почве конфликта, вызванного их совместной предприниматель-

ской деятельностью с И., решили убить последнего. С этой целью они приобрели ружье, которое переделали в обрез, и обманным путем заманили И. к себе домой. Находясь в указанном доме, К. произвел из обреза выстрел в голову потерпевшего. Полагая, что потерпевший еще жив, З. взял обрез у К. и произвел второй выстрел в голову И.

В результате совместных действий осужденных наступила смерть потерпевшего И.

Затем осужденные закопали труп И. в заранее подготовленной яме и избавились от обреза. После этого З. неправомерно завладел автомашиной потерпевшего без цели хищения.

Указанные действия осужденного З. квалифицированы судом по п. “ж” ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 166 УК РФ.

В апелляционной жалобе осужденный З. просил изменить приговор, утверждая, что смерть потерпевшего последовала от действий К., а он являлся лишь пособником убийства.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, мотивировав свое решение следующим.

Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, смерть И. наступила в результате множественных (двух) огнестрельных, слепых пулевых ранений головы, которые являются прижизненными и возникли незадолго до наступления смерти от двух воздействий компактно-действующего снаряда.

Таким образом, согласованный характер действий осужденных, направленных на подготовку к убийству И., и производство последовательно каждым из них выстрелов в голову потерпевшего свидетельствуют о причинении ими смерти потерпевшему совместно.

В связи с этим действия осужденных правильно квалифицированы судом по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ как умышленное причинение смерти другому человеку группой лиц по предварительному сговору.

Определение № 53-АПУ16-10

2. По смыслу ст. 166 УК РФ под неправомерным завладением автомобилем без цели хищения (угоном) понимается завладение чужим автомобилем и поездка на нем без намерения присвоить его целиком или по частям.

З. признан виновным в том, что после совершенного убийства потерпевшего, взяв ключи от его автомашины, проследовал к месту, где автомашина была оставлена потерпевшим, и перенес ее в другое место.

Указанные действия осужденного З. квалифицированы в том числе по ч. 1 ст. 166 УК РФ.

Доводы осужденного о том, что в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 166 УК РФ, ввиду того, что он не преследовал цели совершить угон автомобиля, а перенес его на другое место с целью скрыть улики совершенного убийства, необоснованны.

Как установлено судом, З. после убийства потерпевшего завладел автомобилем и совершил поездку на нем, переместив автомобиль потерпевшего в другое место.

При таких обстоятельствах вывод суда о виновности З. в угоне автомобиля, принадлежавшего потерпевшему, является обоснованным и квалификация его действий по ч. 1 ст. 166 УК РФ правильной.

Определение № 53-АПУ16-10

II. Назначение наказания

3. Правила ч. 3 ст. 62 УК РФ о неприменении положений ч. 1 этой статьи не распространяются на лиц, которым в силу закона не назначается пожизненное лишение свободы, в том числе на лиц, совершивших неоконченное преступление.

П. осужден по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ к десяти годам лишения свободы со штрафом в размере двухсот тысяч рублей.

Судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума суда автономного округа приговор и апелляционное определение в отношении П. изменены: назначенное осужденному по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ наказание смягчено до девяти лет десяти месяцев лишения свободы.

В кассационной жалобе осужденный оспаривал судебные решения в части назначенного ему наказания, полагая, что оно не соответствует требованиям ч. 1 ст. 62 и ст. 66 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор и все последующие судебные решения по следующим основаниям.

Как усматривается из приговора, суд, разрешая вопрос о назначении П. наказания, учел в качестве смягчающего наказание обстоятельства активное способствование раскрытию и расследованию преступления при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств.

При этом суды первой, апелляционной и кассационной инстанций не усмотрели оснований для применения в отношении осужденного ч. 1 ст. 62 УК РФ, ссылаясь на ч. 3 ст. 62 УК РФ, согласно которой положения ч. 1 ст. 62 УК РФ не применяются, если соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь. В этом случае наказание назначается в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Указанная позиция является ошибочной, поскольку не учитывает, что ограничения, предусмотренные ч. 3 ст. 62 УК РФ, на применение ч. 1 ст. 62 УК РФ закон связывает с возможностью назначения пожизненного лишения свободы либо смертной казни конкретному лицу, что в случае с осужденным П., совершившим неоконченное преступление, противоречило бы требованиям ч. 1 ст. 66 УК РФ.

Согласно п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» правила ч. 3 ст. 62 УК РФ о неприменении положений ч. 1 этой статьи не распространяются на лиц, которым в силу закона не назначается пожизненное лишение свободы, в том числе на лиц, совершивших неоконченное преступление.

С учетом пределов назначения наказания, определенных ч. 1 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ, назначенное осужденному наказание не могло превышать шести лет восьми месяцев лишения свободы.

В силу изложенного Судебная коллегия изменила приговор и смягчила назначенное П. наказание по ч. 1 ст. 30 и ч. 5 ст. 228¹ УК РФ до шести лет семи месяцев лишения свободы.

Определение № 69-УД16-5

4. Совершение участниками банды преступлений с использованием форменной одежды представителя

власти признано обстоятельством, отягчающим наказание (п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

По приговору суда К. осужден к лишению свободы: по ч. 2 ст. 209 УК РФ — к восьми годам, по пп. «а», «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ — к восьми годам. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено восемь лет шесть месяцев лишения свободы.

В апелляционных жалобах осужденный К. просил о смягчении наказания, утверждал, что отягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ, — совершение преступления с использованием форменной одежды представителя власти — не может быть к нему применено, так как форменную одежду представителя власти он не использовал и не знал о том, что участники нападения будут ее использовать.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, указав следующее.

Наказание К. назначено в соответствии с требованиями ст.ст. 6 и 60 УК РФ.

В качестве отягчающего наказание обстоятельства для всех осужденных, в том числе и для К., правильно признано предусмотренное п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления с использованием форменной одежды представителя власти.

В судебном заседании установлено, что форма была использована нападавшими для предотвращения как сопротивления со стороны потерпевших, так и вмешательства в происходящее случайных очевидцев. Расчет при этом делался на доверие и подчинение представителям власти, что существенно облегчило совершение преступления.

Доводы осужденного о том, что он не знал об использовании форменной одежды представителями власти участниками нападения, опровергаются его же показаниями, данными в ходе предварительного расследования, из которых усматривается, что он, выполняя роль водителя, неоднократно перевозил участников банды к местам планируемых нападений и обратно, они в его присутствии переодевались в форму спецназа и вооружались. Также К. был посвящен в особенности совершения нападения.

Определение № 58-АПУ16-3

5. При назначении наказания по правилам ч. 3 ст. 66 УК РФ в случае совпадения верхнего предела наказания за неоконченное преступление с нижшим пределом наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, ссылки на ст. 64 УК РФ не требуется.

Б. осужден к лишению свободы: по ч. 5 ст. 228¹ УК РФ с применением ст. 64 УК РФ — к десяти годам и по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ — к четырем годам. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено одиннадцать лет лишения свободы.

В апелляционном представлении государственный обвинитель оспаривал приговор в части назначенного Б. наказания ввиду его чрезмерной мягкости. Указывал, что по эпизоду оконченного состава преступления наказание назначено с применением ст. 64 УК РФ, а в отношении второго эпизода сделан вывод об отсутствии оснований для применения ст. 64 УК РФ, так как верхний предел наказания при неоконченном престу-

плении совпадает с низшим. По мнению автора представления, назначение менее строгого наказания, чем предусмотрено санкцией статьи, возможно лишь в случае применения ст. 64 УК РФ, а не в случае совпадения верхней и нижней границ санкции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения по следующим основаниям.

Наказание осужденному Б. назначено в соответствии с требованиями закона, с учетом установленных обстоятельств дела, характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, относящихся к особо тяжким, наличия смягчающих и отягчающего наказание обстоятельств, данных о личности.

Признание вины, способствование раскрытию и расследованию преступлений, данные о личности и семейном положении в полной мере учтены судом при решении вопроса о наказании, что обоснованно повлияло на решение о применении правил ст. 64 УК РФ при назначении наказания за оконченное преступление.

Наказание по второму эпизоду назначено в соответствии с правилами ч. 3 ст. 66 УК РФ.

Суд правильно указал, что при назначении наказания по правилам ч. 3 ст. 66 УК РФ в случае совпадения верхнего предела наказания, которое может быть назначено в результате применения положений ч. 3 ст. 66 УК РФ, с низшим пределом наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией, ссылки на ст. 64 УК РФ не требуется.

Таким образом, назначенное Б. наказание, как за каждое отдельное преступление, так и по их совокупности, является справедливым и соразмерным содеянному.

Определение № 34-АПУ16-3

6. Срок давности привлечения к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное путем изъятия денежных средств со счета их владельца, исчисляется с момента зачисления денег на расчетный счет виновного, который получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению.

По приговору суда от 19 мая 2014 г. М. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

По данному делу осужден также Г.

Апелляционным определением от 4 августа 2014 г. приговор изменен в части назначенного М. и Г. наказания.

Постановлением президиума Московского городского суда от 31 июля 2015 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационной жалобе адвокат в защиту осужденного М. просил отменить апелляционное определение, полагая, что оно вынесено за пределами сроков давности привлечения М. к уголовной ответственности, поскольку к моменту его принятия в соответствии со ст. 78 УК РФ истекло десять лет со времени совершения преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор и все последующие судебные решения без изменения по следующим основаниям.

Так, приговором суда установлено, что в результате совершения осужденными мошеннических действий 31 августа 2004 г. согласно банковским реквизитам ООО «С», представленным Г. в отдел службы судебных приставов, с расчетного счета указанного отдела на расчетный счет ООО

«С» перечислены денежные средства в размере 9 311 200 руб., полученные от реализации акций, которые М. и Г. совместно с соучастниками преступления обратили в свою пользу и распорядились ими по своему усмотрению.

Таким образом, преступление следует считать оконченным 31 августа 2004 г., в связи с чем на момент рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции 4 августа 2014 г. сроки давности привлечения М. к уголовной ответственности, предусмотренные п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ, не истекли.

Определение № 5-УД16-12

7. Вопрос освобождения лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ подлежал рассмотрению в порядке ст. 49 УК РСФСР, а не ст. 83 УК РФ.

Постановлением суда от 26 января 2016 г. ходатайство осужденной К. о неприведении в исполнение приговора от 16 апреля 1997 г. за давностью исполнения обвинительного приговора удовлетворено. К. освобождена от отбывания наказания по указанному приговору.

В апелляционном представлении прокурор просил об отмене постановления, полагая, что срок давности исполнения обвинительного приговора, предусмотренный п. «г» ч. 1 ст. 83 УК РФ, к настоящему моменту не истек.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила постановление без изменения.

Как следует из материалов судебного производства, по приговору от 16 апреля 1997 г., вступившему в законную силу 17 июля 1997 г., К. осуждена за совершенное ею в ноябре 1994 г. преступление по п. «н» ст. 102 УК РСФСР, к восьми годам лишения свободы.

В отношении К. обвинительный приговор не был исполнен в связи с ее розыском.

24 сентября 2015 г. К. была задержана и направлена для отбывания наказания в исправительную колонию.

Таким образом, со времени вынесения обвинительного приговора в отношении К. и обращения его к исполнению прошло 18 лет. За это время К. не совершила нового преступления.

С учетом того, что со времени совершения К. преступления до ее задержания прошло более 15 лет и давность не была прервана совершением нового преступления, суд первой инстанции на основании п. 3 ч. 1, ч. 2 ст. 49 УК РСФСР, действовавшей на момент совершения преступления, обоснованно пришел к выводу об истечении срока давности исполнения приговора и освободил ее от отбывания наказания и из-под стражи.

Статья 49 УК РСФСР, действовавшая на момент совершения К. преступления, устанавливала общий пятнадцатилетний срок давности исполнения приговора, истечение которого делало невозможным приведение обвинительного приговора в исполнение, даже в том случае, если течение срока давности прерывалось уклонением осужденного от отбывания наказания. Единственным препятствием, не позволяющим освободить осужденного от наказания по истечении пятнадцатилетнего срока со времени вынесения приговора, являлось совершение осужденным нового преступления.

Часть 2 ст. 83 УК РФ, действующая с 1 января 1997 г., не предусматривает общего срока, по истечении которого осужденный может быть освобожден от наказания в связи с истечением сроков

давности обвинительного приговора суда. Течение сроков давности возобновляется в любом случае с момента задержания осужденного или его явки с повинной.

Таким образом, новые условия освобождения от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора, вступившие в силу после совершения К. преступления, ухудшают ее положение, а потому в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ не могут быть применены.

Определение № 20-АПУ16-4

III. Процессуальные вопросы

8. Обвинительный приговор отменен ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона, связанных с правом обвиняемого на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей.

Из материалов дела усматривается, что после ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый С. заявил ходатайство о проведении предварительного слушания, указав, что свою позицию относительно ходатайств, указанных в ч. 5 ст. 217 УПК РФ (в числе которых значилось право ходатайствовать о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей), он намерен заявить в судебном заседании.

После поступления дела в суд с обвинительным заключением судьей вынесено постановление о назначении судебного заседания на 15 июня 2015 г. для разрешения вопроса о мере пресечения в отношении обвиняемого С.

Постановлением от 15 июня 2015 г. ходатайство обвиняемого С. о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей было оставлено без рассмотрения как заявленное на ненадлежащей стадии судебного разбирательства и возвращено обвиняемому.

В этот же день, 15 июня 2015 г., судьей было вынесено постановление о назначении судебного заседания на 25 июня 2015 г., в котором указано, что “оснований для проведения предварительного слушания по делу не имеется”, а “ходатайство обвиняемого о проведении по делу предварительного слушания без указания конкретных оснований, указанных в ч. 2 ст. 229 УПК РФ, удовлетворению не подлежит”.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного, отменила приговор и дело направила на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом суда, со стадии подготовки к судебному заседанию, мотивировав свое решение следующим.

Из материалов дела усматривается, что позиция обвиняемого по вопросу о составе суда была известна судье до назначения дела к слушанию по существу в порядке ст. 231 УПК РФ.

Оставив без рассмотрения ходатайство обвиняемого о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, заявленное в судебном заседании 15 июня 2015 г., и расценив его как “заявленное на ненадлежащей стадии судебного разбирательства”, судья не учел положений ч. 1 ст. 120 УПК РФ, в соответствии с которой ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу.

Пункт 1 ч. 5 ст. 231 УПК РФ предусматривает, что ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей подсудимый не вправе заявить лишь после назначения судебного заседания.

В данном случае ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей обвиняемым С. было заявлено в судебном заседании 15 июня 2015 г. еще до назначения судебного разбирательства по существу дела, т.е. до вынесения судьей соответствующего постановления, в котором был определен состав суда по данному делу.

Таким образом, постановление судьи о назначении судебного заседания на 25 июня 2015 г. было вынесено после судебного заседания, проведенного по вопросу о мере пресечения обвиняемого.

Определение № 18-АПУ16-2

9. Неполнота предварительного расследования и судебного разбирательства, вызванная упущениями со стороны суда либо лиц, осуществляющих предварительное расследование, не свидетельствует о возникновении по делу новых обстоятельств, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ.

Органами предварительного следствия Т. обвинялся в нарушении лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, совершенном лицом, находившимся в состоянии опьянения, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего 17 мая 2011 г.

По приговору суда Т. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ, вследствие непричастности к совершению преступления.

Судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума Верховного Суда Республики Хакасия удовлетворено заключение заместителя прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, приговор и апелляционное определение отменены и дело направлено в суд на новое судебное рассмотрение иным составом суда.

В кассационной жалобе Т. просил об отмене постановления президиума. Полагал, что выводы проведенных следственными органами судебно-медицинских экспертиз об установлении иного механизма образования телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, носят предположительный характер и не являются новыми обстоятельствами.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума по следующим основаниям.

В силу п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ новыми признаются обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, исключющие преступность и наказуемость деяния или подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Перечень таких обстоятельств указан в ч. 4 ст. 413 УПК РФ. При этом, возобновляя производство по уголовному делу ввиду новых или вновь открытых обстоятельств, суд обеспечивает не восполнение недостатков обвинительной и судебной деятельности, а возможность исследования тех фактических обстоятельств, которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу.

Вопреки указанным положениям закона, в основу принятого решения президиум суда положил результаты следственных действий, которые касались обстоятельств, уже бывших предметом

исследования в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства в суде первой инстанции.

Механизм причинения потерпевшему телесных повреждений, повлекших наступление его смерти в результате дорожно-транспортного происшествия, устанавливался как следствием, так и судом, с этой целью допрашивались участники ДТП, эксперты, проводились экспертизы и иные следственные действия.

В результате судебного разбирательства суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии по делу совокупности доказательств, которая достоверно свидетельствовала бы о виновности Т.

Проведение дополнительного расследования путем допросов ранее допрошенных по делу лиц и назначения дополнительных экспертиз по уже исследованным экспертами материалам дела не свидетельствует о возникновении по делу новых обстоятельств, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ, поскольку такие новые обстоятельства не могут быть обусловлены неполнотой предварительного расследования и судебного разбирательства, вызванной упущениями со стороны суда либо лиц, осуществляющих предварительное расследование и поддержание обвинения в суде.

Результаты следственных действий, проведенных в ходе дополнительного расследования дела, не были ранее предметом исследования суда не в силу каких-либо объективных причин, и их проведение не исключалось в ходе производства по делу до вынесения окончательного решения, поскольку сторона обвинения не была ограничена в возможности представлять доказательства в подтверждение предъявленного Т. обвинения.

В нарушение требований уголовно-процессуального закона прокурор сослался в представлении не на новые обстоятельства как установленные в ходе производства по делу факты, а на новые доказательства, полученные в ходе дополнительного расследования дела. Однако само по себе получение доказательств, непредставление которых суду ранее не обусловлено объективными причинами, не может являться основанием для пересмотра приговора, вступившего в законную силу в порядке, предусмотренном главой 49 УПК РФ.

Определение № 55-УД15-7

10. Потерпевшие вправе получать информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о его выездах за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, и об освобождении из мест лишения свободы.

Постановлением суда были удовлетворены ходатайства потерпевших, в которых они просили известить их о прибытии осужденного М. (осужденного к пожизненному лишению свободы) к месту отбывания наказания, о выездах его за пределы учреждения, исполняющего наказание, об освобождении из мест лишения свободы.

Осужденный М. просил отменить постановление суда, считая его незаконным и необоснованным.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила постановление без изменения по следующим основаниям.

В соответствии с п. 21¹ ч. 2 ст. 42 и ч. 5 ст. 313 УПК РФ потерпевшие вправе получать в обязательном порядке информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о выездах осужденного за пределы уч-

реждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, об освобождении из мест лишения свободы в случае, если сделают об этом соответствующее заявление до окончания прений сторон.

При этом суд одновременно с постановлением обвинительного приговора выносит постановление об уведомлении потерпевших, копию которого направляет вместе с копией приговора в учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания.

Как следует из материалов дела, ходатайства потерпевшими были заявлены на стадии судебного следствия, до начала прений сторон, что соответствует положениям ч. 5 ст. 313 УПК РФ.

Таким образом, обжалуемое осужденным постановление суда вынесено в точном соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Определение № 58-АПУ16-1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. При рассмотрении вопросов, касающихся неразрешения иностранному гражданину въезда в Российскую Федерацию, следует учитывать конкретные обстоятельства дела, в том числе связанные с личностью иностранного гражданина, его семейным и социальным положением, наличием дохода и родом деятельности, обеспеченностью жильем и т.д.

К. обратился в суд с заявлением об оспаривании решения территориального органа Федеральной миграционной службы (далее — уполномоченный орган) о неразрешении въезда в Российскую Федерацию и заключения об отказе в выдаче разрешения на временное проживание.

К. указал, что с 2001 года проживает в Российской Федерации, где окончил школу и получил профессиональное образование в колледже, имеет постоянную работу, с 9 июля 2014 г. состоит в браке с гражданкой Российской Федерации. Проживал в Российской Федерации на основании разрешения на временное проживание, 6 сентября 2013 г. подал в консульский отдел посольства Республики Узбекистан заявление об отказе от имеющегося у него гражданства Республики Узбекистан с целью дальнейшего приобретения гражданства Российской Федерации. Таким образом, на территории Российской Федерации у него сложились устойчивые семейные и социальные связи. Полагал, что действия уполномоченного органа нарушают его право на уважение личной и семейной жизни.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Признавая законными действия уполномоченного органа, суды исходили из того, что К., проживая на территории Российской Федерации, неоднократно привлекался к административной ответственности.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и вынесла новое решение — об удовлетворении требований К., указав следующее.

В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать соци-

ально значимую, законную цель (обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц), являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из этих критериев представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Необходимость ограничения прав и свобод человека должна быть обоснована исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества.

В силу положений ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Подпункт 4 ст. 26 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” не предусматривает безусловный отказ в выдаче разрешения на въезд в Российскую Федерацию гражданину или лицу без гражданства в случае неоднократного (два и более раза) привлечения этих лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации за совершение административного правонарушения на территории Российской Федерации, а лишь предусматривает возможность такого отказа.

При этом определяющее значение имеют тяжесть содеянного, размер и характер причиненного ущерба, степень вины правонарушителя и иные существенные обстоятельства, обуславливающие индивидуализацию при применении взыскания. Также следует учитывать обстоятельства, касающиеся длительности проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство. Уполномоченные органы обязаны избегать формального подхода при рассмотрении вопросов, касающихся в том числе и неразрешения въезда в Российскую Федерацию.

Судом установлено, что К., дважды привлекавшийся к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 КоАП РФ, длительное время проживает на территории Российской Федерации, с 2014 года состоит в браке с гражданкой Российской Федерации, отец К. является гражданином Российской Федерации, административный истец имеет аттестат о среднем (полном) общем об-

разовании, выданный муниципальным общеобразовательным учреждением, диплом колледжа, трудоустроен, подал заявление в консульский отдел посольства Республики Узбекистан в Российской Федерации о выходе из гражданства Республики Узбекистан, жильем в этой стране не обеспечен и родственников не имеет.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу о том, что оспариваемые действия уполномоченного органа не могут быть признаны законными, поскольку нарушают права К., не являются необходимыми и соразмерными допущенным нарушениям и вызванным ими последствиям.

Определение № 78-КГ16-8

2. Установление судебным приставом-исполнителем ограничения на выезд из Российской Федерации в отношении лица, условно осужденного по приговору суда, представляет собой временную меру, преследующую цель обеспечить исполнение обвинительного приговора суда как конституционно значимого акта судебной власти.

Приговором суда Л. был признан виновным в совершении преступления, ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет условно, а также штраф.

На основании исполнительного листа судебным приставом-исполнителем возбуждено исполнительное производство. Также вынесено постановление о временном ограничении права на выезд должника из Российской Федерации.

Постановлением суда осужденному Л. предоставлена рассрочка уплаты суммы штрафа. В связи с этим судебным приставом-исполнителем отменено ограничение права на выезд Л. из Российской Федерации.

Впоследствии судебным приставом-исполнителем в отношении Л. вновь принято постановление о временном ограничении права на выезд из Российской Федерации.

Л. обратился в суд с заявлением об оспаривании этого постановления, ссылаясь на то, что на момент его вынесения у судебного пристава-исполнителя имелись сведения о погашении суммы штрафа в соответствии с графиком, установленным судом, и отсутствовали основания полагать, что Л. уклоняется от исполнения приговора суда.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требования Л. были удовлетворены. При этом суды исходили из того, что Л. не уклоняется от исполнения приговора суда, в связи с чем законные основания для вынесения судебным приставом-исполнителем оспариваемого постановления отсутствовали.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и вынесла новое решение — об отказе в удовлетворении заявления Л. по следующим основаниям.

Статьей 64 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” предусмотрено, что исполнительными действиями являются совершаемые судебным приставом-исполнителем в соответствии с данным законом действия, направленные на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на поуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе (ч. 1). Судебный пристав-исполнитель вправе устанавливать времен-

ные ограничения на выезд должника из Российской Федерации (п. 15 ч. 1).

В силу подп. 4 ст. 15 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 14-ФЗ “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” право гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено в случае, если он осужден за совершение преступления, — до отбытия (исполнения) наказания или до освобождения от наказания.

Приговор представляет собой принимаемое в рамках уголовного судопроизводства решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции (п. 28 ст. 5 УПК РФ). Вынесение обвинительного приговора не всегда влечет реальное отбывание наказания.

Статьей 73 УК РФ предусмотрен порядок назначения условного осуждения, которое в свою очередь не означает освобождение от уголовной ответственности и наказания и допускает возложение на осужденного определенных обязанностей, ограничивающих его права и свободы.

Реальный контроль за осужденными лицами, в том числе условно осужденными, со стороны уполномоченных государственных органов возможен лишь в пределах территории Российской Федерации.

Следовательно, ограничение условно осужденных лиц в праве на выезд за пределы Российской Федерации представляет собой временную меру, преследующую цель обеспечить исполнение обвинительного приговора суда как конституционно значимого акта судебной власти.

Судом установлено, что на момент принятия судебным приставом-исполнителем оспариваемого постановления штраф, назначенный Л. приговором суда, уплачен не в полном объеме.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу о том, что действия судебного пристава-исполнителя по установлению ограничения на выезд из Российской Федерации в отношении Л. являются законными.

Определение № 78-КГ16-9

3. Обязанность по уплате таможенных платежей при незаконном перемещении товаров через таможенную границу возникает у лиц, незаконно перемещающих такие товары.

Г. и А. обратились в суд с заявлением об оспаривании требований таможенного органа об уплате таможенных платежей.

В обоснование заявления указали, что Г. по нотариальной доверенности от гражданина Украины Д. оформил пассажирскую таможенную декларацию на временный ввоз через таможенный пост на таможенную территорию Российской Федерации принадлежащего Д. транспортного средства с определенным сроком временного ввоза. Д. обратился на таможенный пост с заявлением о выдаче паспорта транспортного средства (далее — ПТС) на указанный автомобиль в связи с переездом из Украины на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Также Д. подал пассажирскую таможенную декларацию, задекларировав принадлежащее ему названное транспортное средство. Таможенным постом выдан ПТС на имя Д., транспортное средство выпущено для внутреннего потребления с освобождением от уплаты таможенных платежей и уплатой утилизационного сбора.

А. по нотариальной доверенности от гражданки Украины С. оформил пассажирскую таможенную декларацию на временный ввоз через таможенный пост на таможенную территорию Российской Федерации принадлежащего С. транспортного средства с определенным сроком временного ввоза. С. обратилась на таможенный пост с заявлением о выдаче ПТС на указанный автомобиль в связи с переездом из Украины на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Также С. подала пассажирскую таможенную декларацию, задекларировав принадлежащее ей транспортное средство. Таможенным постом выдан ПТС на имя С., транспортное средство выпущено для внутреннего потребления с освобождением от уплаты таможенных платежей и уплатой утилизационного сбора.

Однако таможенным органом Г. и А. выставлены требования о необходимости уплаты таможенных платежей и пени.

Решением районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены, требования таможенного органа признаны незаконными.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указанные судебные акты отменила и вынесла новое решение — об отказе в удовлетворении заявления Г. и А. по следующим основаниям.

Удовлетворяя заявленные требования и признавая незаконными требования таможенного органа, суды исходили из того, что Г. и А. не являлись декларантами при временном ввозе на таможенную территорию Российской Федерации спорных автомобилей. Декларантами являлись граждане Украины Д. и С., на которых производилось таможенное оформление этих транспортных средств, и именно им предоставлены льготы по уплате таможенных платежей.

Согласиться с такими выводами не представляется возможным.

В силу положений п. 2 ст. 358 Таможенного кодекса Таможенного союза иностранные физические лица вправе временно ввозить на таможенную территорию Таможенного союза транспортные средства для личного пользования, зарегистрированные на территории иностранных государств, на срок своего временного пребывания, но не более чем на один год, с освобождением от уплаты таможенных платежей.

Статьей 179 указанного Кодекса предусмотрено, что товары подлежат таможенному декларированию при помещении под таможенную процедуру либо в иных случаях, установленных в соответствии с данным Кодексом. Таможенное декларирование товаров производится декларантом либо таможенным представителем, действующим от имени и по поручению декларанта.

В силу ст. 79 названного Кодекса и ст. 114 Федерального закона “О таможенном регулировании в Российской Федерации” плательщиками таможенных пошлин, налогов являются декларант или иные лица, на которых в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза, международными договорами государств — членов Таможенного союза и названным Законом возложена обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов.

В силу подп. 19 п. 1 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза незаконным перемещением товаров через таможенную границу является перемещение товаров через таможенную границу вне установленных мест или в неустановленное

время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации, равно как и покушение на такое перемещение.

Пунктами 1 и 2 ст. 81 Кодекса определено, что обязанность по уплате ввозных таможенных пошлин, налогов при незаконном перемещении товаров через таможенную границу возникает при ввозе товаров на таможенную территорию Таможенного союза.

Обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов при незаконном перемещении товаров через таможенную границу возникает солидарно у лиц, незаконно перемещающих товары, лиц, участвующих в незаконном перемещении, если они знали или должны были знать о незаконности такого перемещения, а при ввозе товаров на таможенную территорию таможенного союза — также у лиц, которые приобрели в собственность или во владение незаконно ввезенные товары, если в момент приобретения они знали или должны были знать о незаконности ввоза.

Установлено, что граждане Украины Д. и С. нотариальные доверенности Г. и А. не выдавали, с названными гражданами не знакомы, ввезенные транспортные средства в своей собственности никогда не имели, в таможенных органах не оформляли, пребывание их на территории таможенного поста не установлено. Ввезенные транспортные средства на территории Украины зарегистрированы не были.

Таким образом, Г. и А., не имея полномочий декларировать от имени граждан Украины спорные автомобили для временного ввоза на таможенную территорию Таможенного союза, незаконно переместили транспортные средства на таможенную территорию Таможенного союза и не осуществили их вывоз в установленные для временного ввоза сроки.

При таких обстоятельствах на Г. и А. лежит обязанность по уплате таможенных платежей.

В связи с этим выводы судов о незаконности требований таможенного органа признаны Судебной коллегией необоснованными.

Определение № 20-КГ16-2

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
6 июля 2016 г.)*

(Окончание в следующем номере)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**, **Журавлева Е.М.**,
Момотов В.В., **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**, **Свириденко О.М.**,
Хаменков В.Б., **Харламов А.С.**, **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”**

Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 28.02.2017.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,11. Тираж 8452 экз. Заказ 798-2017.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”.

123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 38.
Телефоны: 495-941-28-62, 495-941-34-72, 495-941-31-62.
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
<http://www.redstarph.ru>
